

ЕВГЕНИЙ КОСТРИЦА

САНСАРА

РАРНИК

1

LitRPG

Евгений Кострица

Рарник

«Евгений Кострица»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кострица Е.

Рарник / Е. Кострица — «Евгений Кострица», 2017 — (LitRPG)

ISBN 978-5-04-089943-2

В хардкор-игре, где сила удара зависит от возможностей физического тела, рейд-прогресс конвертируется в деньги, а смерть в бою может привести к гибели в обоих мирах, — появляется рарник, обладающий невероятной способностью занимать чужие тела. Так кто он? Моб или человек, жертва обстоятельств или орудие мести?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089943-2

© Кострица Е., 2017
© Евгений Кострица, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Евгений Кострица

Рарник

Глава 1

День сто тридцать четвертый

Я кролик. Милый, белый и миролюбивый... как считали мои жертвы. Правда, чуть позже они понимали, насколько сильно ошибались. И тогда их самоуверенность сменялась растерянностью и изумлением. Да, внешне беззащитный зверек умел огрызаться, хотя поначалу его атаку даже не воспринимали всерьез. Но я был очень серьезен, и вскоре растерзанные человеческие останки живописно украшали полянку.

Думаю, у меня был свой стиль – внутренности, аккуратно развешанные на кустарниках, создавали «камерную» атмосферу ужаса и отчаяния. Ведь именно ужас и отчаяние здесь постоянно испытывали мои ушастые братья и сестры. И в ответ я старался донести это жутковатое переживание до людей как можно более доходчиво.

Я не считал себя маньяком, но у меня были веские причины старательно имитировать людоедство. Пушной промысел на лужайке шел почти круглосуточно. Кролики уничтожались в промышленных масштабах, а ведь я считал себя царьком этого умиротворенного, но бесконечно глупого народа. Всего за несколько часов охотник истреблял сотни моих подданных, набивая безразмерные рюкзаки убитыми кролями. Ни один из них не просил пощады, ни один не пытался дать сдачи. Бешеная плодовитость, жалобное выражение смазливой мордочки и несколько нерешительных прыжков в сторону – вот и все, что моя раса могла противопоставить острым стрелам и клинкам.

«Фарм-спот» – так называли люди эту поляну. «Мой дом» – так называл ее я. И, к несчастью, в нем давно и прочно обосновались незванные гости. Они приходили за нашими шкурками, которые, видимо, сдавали в ближайшей деревне. По крайней мере, тяжелые сумки с добычей охотники всегда относили туда, а назад возвращались уже налегке, с глуповато-удовлетворенной ухмылкой.

Иногда им улыбалась удача, и тогда окрестности оглашал восхищенный вопль, а из мертвого кролика торжественно извлекалось что-то ценное. Эти посмертные мешочки назывались «лутом», хотя я никогда не видел, чтобы мы их съедали. Как они вообще оказывались в наших телах? Для меня это оставалось загадкой. Впрочем, в этой длиннющей голове и без того роилось слишком много вопросов.

Как получилось, что в родной стае больше нет ни одного разумного кролика? Почему мои братья и сестры рождаются, живут и умирают тупыми, как пробки? И, наконец, главное – почему я бессмертен?

Подсказок у меня не было, и под вечер накатывали тягостные раздумья о суете и тщетности кроличьего существования. Какой в нем вообще смысл? Сначала мне казалось – он есть, но в последнее время я все больше в этом сомневался. Сколько людей ни убивай, меньше их не становится – двуногие приходят сюда снова и снова. И тогда на меня снизошло понимание: они столь же бессмертны, как и я сам, а это означало, что кровавый конвейер никогда не закончится. И все же в моей кроличьей душонке жила надежда, что когда-нибудь он сломается навсегда.

Разумное существо всегда стремится избегать опасного места, и я специально мучил своих жертв. Их останки должны поведать остальным о страшной участи несчастных охотни-

ков. К сожалению, страх хорошо работал только в теории. На практике людей на поляне становилось все больше. Бывало, мучительно умерев утром, они возвращались уже вечером. И, как правило, не одни, а с вооруженными до зубов дружками.

Видимо, я чего-то не понимал. Вокруг так много безопасных лужаек, переполненных стаками тучных безобидных зверьков. Но именно моя пользовалась особой популярностью. Это наводило на мысль, что люди искали особого кролика. Неужели им так нравился риск, или все дело в мести?

В любом случае, не я начал эту войну. Капитуляции от меня не дождутся. Жаль только, что по одному враги ходили все реже. Ничего, я терпелив, упрям, осторожен и хорошо подготовился. У меня была уйма времени для создания невидимой, но отлично укрепленной крепости.

На лужайке стояло высокое старое дерево, под которым так любили отдыхать живодеры после утомительного и скучного фарма. Методичное истребление беззащитных зверюшек не требовало от них героизма или отточенной техники боя. Ни азарта, ни особого удовольствия: два-три удара, нагнуться, подобрать, закинуть обмякшее тельце в сумку, найти взглядом следующую жертву. Скорее всего, люди даже не предполагали, что мы чувствуем боль... а возможно, им было просто все равно.

Смыв кровь с натруженных рук, двуногие чистили оружие и вяло травили байки, которые я с удовольствием слушал в уютном дупле прямо над ними. Оно находилось ниже ветвей, но достаточно высоко, чтобы никто не мог заподозрить в нем логово кролика. Возможно, где-то и существует наша древесная разновидность, но с моими-то лапами вскарабкаться по коре невозможно.

К счастью, старое дерево было полым. Жуки-точильщики выгрызли его изнутри, и я пробирался в дупло внутри ствола, прямо из разветвленного лабиринта, который я долго выкапывал под лужайкой. Длинные извилистые ходы вели в бесчисленные кладовые, большинство из которых были ловушками для надоедливых охотничьих собак, досаждавших мне время от времени. Ни одна из шумных коротконогих тварей наверх не вернулась, а судя по выражению лиц их хозяев, стоили они очень недешево.

Сейчас я спокойно дремал в своем логове, вполглаза наблюдая за очередным кроличьим геноцидом, что с раннего утра устроили пять человек. Они набили свои рюкзаки почти до отказа, когда к ним присоединился шестой. Парень сильно отставал в отлове добычи и отчаянно пытался нагнать трудолюбивых коллег, умерщвляя нашего брата с удвоенной скоростью.

– Эй, Пуси! Хватит, мы все под завязку. Уходим! – устало махнул рукой один из охотников.

– Еще бы десять минут, чтобы норму добрать! Штраф же будет! – взмолился отстающий, вытирая со лба капли пота и засохшую кроличью кровь.

– Темнеет, а имперский скупщик ждать не будет. Сбросит цену на всю партию разом. Так идешь или нет?

– Нет. Я догоню. Две «заточки»¹ достал – только-только поперло! Ах, твою же... – Пуси зло чертыхнулся, выдирая из колючих кустов очередной трупик.

– А как же Черный Кроль? Не боишься?

– Очень смешно, – угрюмо кивнул он. – Да я только рад буду. Продам историю репортерам и навсегда забуду этот гребанный фарм!

Как я понял из разговоров, Черным Кролем тут называли меня, хотя моя шкура была белой, как снег. Чистота, плотность и качество меха опасно выделяли меня из соплеменников, но большинство из них погибали раньше, чем успевали испачкаться. И все же главное отличие между нами было в мозгах. А скорее, в их полном отсутствии. Думаю, исправно работали они

¹ Усиление свойств предмета с низким шансом на успех.

лишь у меня. У всех остальных только муляж. Иначе как объяснить их непроходимую кроличью тупость?

Впрочем, некоторые проблемы с головой испытывал и я сам. Иногда казалось, что в меня вселялись голодные и кровожадные демоны. Как раз сейчас они возбужденно скребли изнутри черепную коробку, требуя жертв. Этим тихим вечером я знал, что им предложить: алчный охотник остался один. Скормлю этого недотепу.

Только не спешить! Ошибиться нельзя, иначе меня опять прихлопнут как муху. В последнее время люди вели себя умнее, и хороший шанс выпадал редко. Я успел поднатореть и закалиться в гуманоидно-кроличьем противостоянии, но боевой опыт достался мне дорогой ценой. Прежде чем убить своего первого человека, я испробовал все мыслимые виды атак, так и не создав действительно опасной для противника ситуации.

Пришлось смириться с унижительным фактом: в открытом бою у мелкого и приятного во всех отношениях грызуна нет ни единого шанса против двуногих. Он не способен прокусить даже легкий доспех, не говоря уж о том, чтобы повредить жизненно важные органы.

Но однажды мне повезло – удалось занести в рану инфекцию.

Тогда враг лишь почесал покрасневшее место, выпил какое-то зелье и спокойно продолжил свой фарм. Но я увидел перспективу – настоящий прорыв в кроличьих биотехнологиях!

Да, у меня нет смертоносных когтей и клыков, которые бы могли разорвать врага в клочья. Но есть ум – скорее всего, не уступающий человеческому. Я прекратил яростные, но бессмысленные лобовые атаки, сосредоточившись на подборе ингредиентов для яда. Он необязательно должен убивать мгновенно. Достаточно парализующего эффекта, чтобы жертва не успевала позвать на помощь и дойти до деревни. Понятно, что этот подлый способ убийства рассчитан только на одиночек. К хорошо организованным группам лучше вообще не соваться.

Спустившись, я поспешил в одну из подземных камер, где заботливо припас человеческую ступню. Уже с омерзительным сладковатым душком – как раз сегодня созрела. Ненавижу мазать этой дрянью резцы, но другого способа победить я пока не придумал.

Конечно, одного трупного яда тут мало. Приходилось жевать пушистую черную плесень со стен нижнего яруса, а потом еще, морщась от омерзения, облизовать мрачную жабу, что живет глубоко под корнями. После каждой такой процедуры эта гордая тварь подозрительно косится, ожидая логичного, по ее мнению, продолжения. Но лапку и сердце я не предложил бы этому чудищу даже за самый смертоносный яд во вселенной.

Слизь мандрагоры была финальным штрихом рецепта, которым я по праву гордился. Найти редкий животрепещущий корешок оказалось непросто. Сорняк вырастал в полнолуние, причем только под свежим висельником. Пришлось подвесить на дереве одного из соплеменников, из-за чего меня долго мучили угрызения совести.

Веревка нашлась у одной из моих жертв. К несчастью, поднять человеческий труп не получилось даже с помощью блока. Его я выточил, точно бобер, и едва не стер до корней зубы.

С трудом выкопав отчаянно упирившийся корень, я решил не прибирать за собой. Вдруг получится если не перевоспитать, то хотя бы разжалобить живодеров?

Наутро они пришли и с удивлением обнаружили, что несчастный кролик повесился, а потом продолжили фарм, как ни в чем не бывало. Жестокие и бездушные существа! Я так и не увидел в их холодных глазах слез раскаяния.

Вот... наконец, все готово. На зубах горчит смертоносная смесь, которую осталось только занести в рану. Рецепт этой сложносоставной гадости подбирался долго и довольно болезненно. Как ответственный и порядочный кроль, я все эксперименты проводил на себе, из-за чего несколько раз добросовестно сдох в мучениях. Но итоговый результат того стоил. В конце концов, кто лучше травоядных знает все и о траве, и о ядах?

Выпрыгнув из дальней норы, я смешался со стайкой родственников, мирно стригущих траву на полянке. Жертва сильно спешила, двигаясь по легко предсказуемой траектории даже для кролика. Пуси быстро найдет меня.

В случае поражения терять особенно нечего – к любой боли можно привыкнуть, а после смерти я возрождался, как феникс. Эта партизанская война была своеобразным вызовом жестокому миру, где я искал свое место. И сейчас оно – среди угнетенных собратьев, поставляющих собственный мех городским модницам.

Жаль, но я так и не придумал, как использовать останки моих жертв. Разве что натянуть человеческую кожу на бубен и, заывая, носиться с ним по поляне, отваживая незваных гостей. Хотя если их не страшит невероятная боль, то не испугает и полное отсутствие музыкального слуха, а воинственная песня сумасшедшего кролика только привлечет толпы туристов.

Думаю, я хорошо изучил людей. Особенно то, как они ведут себя при заготовке пушнины. Как правило, охотник всегда выбирает самые густые кроличьи стайки. Ему просто лень тратить энергию на каждого из нас по отдельности. Техника боя на ферме скупа, однообразна и эффективна – ни одного лишнего движения. Приоритет отдается ударам, наносящим урон по площади, а зона поражения зависит от вида оружия.

Пуси использовал небольшую дубину, чтобы не портить шкурки, размазывая по траве лопухую жертву. Обычно он задевал от трех до семи кроликов, в зависимости от их скученности, и я четко понимал, где должен находиться в момент удара.

Наконец цепкий взгляд живодера нашел и мою группу. Как и ожидалось, ее сочли вполне достойной бездонного рюкзака. Осталось только не зевнуть нужный момент – ошибка могла стоить шкуры.

Внимательно отследив замах, я отскочил за мгновение до удара.

Пора!

Сверкнув в лучах уходящего солнца, дубина со свистом прочертила воздух. Взметнулись комочки земли и шерсти, брызнула кровь, несчастные зверьки коротко взвизгнули. Меня не задело, но я закатил глаза и артистично дрыгнул лапкой, изображая агонию.

Не обращая внимания на предсмертный хрип, Пуси деловито и молча закидывал еще живых кроликов в сумку. Когда пришла моя очередь, я открыл глаза и, повернув голову, посмотрел на убийцу – холодным ясным взглядом.

Человек вздрогнул от неожиданности, отшатнулся и инстинктивно разжал руку, словно схватил ядовитое насекомое. Падая, я полоснул резцами по не защищенному перчаткой запястью и отскочил в сторону, уже зная, что контратаки не будет.

Смертельно побледнев, охотник уронил сумку и тяжело осел на землю. Яд действовал, но казалось, что Пуси это совершенно не беспокоило. Его глаза помутнели, но все еще следили за мной – спокойно и внимательно. Поразительно, но в них не было страха, совершенно естественного для человека в такой ситуации. Напротив, в них виделось любопытство и удовлетворение. Что-то пошло не так, но я никак не мог понять, что именно.

Человека начало ломать в судорогах. Резкое сокращение мускулатуры гортани не давало ему возможности крикнуть.

Обычно в этот момент я подходил и, глядя убийце прямо в глаза, начинал неторопливо обглаживать ноги. Сильная боль являлась очень доходчивым аргументом. Яд свертывал кровь, поэтому самые выносливые еще жили, когда я подбирался к коленям.

Изумление, шок и обреченность – вот что всегда читалось на лице человека. Люди не сразу понимали, что их жрут живьем. Таких, как я, не существует в привычном для двуногих мире. Ядовитые кролики-людоеды считались фантастикой.

Строго говоря, людей я не ел, а складывал из их останков зловещую горку. Выглядела она мрачно и очень наглядно, но почему-то никого не пугала. Напротив, эта ужасная «пирамидка»

работала, как рекламный плакат. После каждого убийства на лужайку прибегало еще больше народа и приходилось весь следующий месяц не высовывать из дупла нос.

Но сейчас я ужасающе, вопиюще страшен! Так почему Пуси меня не боится?

Ветер внезапно сменил направление и принес новые запахи.

Чужие!

Принюхавшись, я решил отступить и, не теряя достоинства, попятился к ближайшей норе. Осталось всего несколько метров...

Сильный толчок!

Вспышка боли – и меня подкинуло в воздух. Мои внутренности будто взорвались. Стрела прошла тело насквозь и, вырвав позвоночник, вышла с другой стороны – я даже не слышал ее свиста.

– Ну, что я говорила? Вылез как миленький! О, боги рандома², подарите мне эпик³!

– погоди ты с лутом! Дай противоядие, пока Пуси не помер!

– Да и черт с ним! Реснется в деревне. Это дешевле.

– Вот что ты за сука такая? Хрен мы без него поймали бы этого рарника!⁴

– Мы бы и так его выследили. Что за детский спектакль вы устроили! Мафа, хоть ты скажи ему! Зергель, а ты вот веришь в Черного Кроля? Веришь, что он такой уж умный?

– Почему бы и нет? Мы сюда целый месяц ходили, а...

Продолжения разговора я уже не услышал. Мир расплывался, звуки таяли, и меня потащило в бездонную мглу. Потом она расступилась и, светлея до серого, освободила место для Тени. Так я называл особое измерение, куда попадал после смерти – нечто вроде изнанки настоящего мира, откуда он выглядел бесцветным и тусклым.

Здесь у меня уже не было тела. Тут я просто осознающая точка, а скорее – мыслящая пустота. Сферическое зрительное восприятие позволяло видеть на пять-шесть метров вокруг, не больше. Дальше все скрывалось в беспросветном тумане, превращающем мир в однородную серость, где лишь изредка вспыхивали яркие звездочки светлячков.

Порой мне казалось, что я говорю с ними. Иначе откуда я мог знать, что это муши? Элементали Тени беспечно кружились в своих хороводах и напоминали призрачных фей, озорно принимавших самые разные формы. Мотылек, капля, крестик или сложный узор – среди них не было одинаковых.

Возможно, они даже говорили мне что-то, но их шепот был слишком слаб и сливался в монотонный тихий гул, из которого я не мог что-либо выделить. И все же мне это иногда удавалось. Скорее всего, именно так я «вспомнил», как добыть мандрагору. Множество изредка всплывающих в уме знаний не могли возникнуть из ничего.

Возможно, я сам один из муши, который почему-то вывалился из Тени в открытый цветной мир и ошибочно осознал себя кроликом. И когда чужая реальность огрызается иллюзией смерти, он возвращается в свой настоящий дом.

Какое-то время в Тени хорошо и уютно, но чуть позже всегда начинает расти беспокойство. И тогда меня будто переполняет энергия, заставляя спуститься в этот ад – мир охотников и жертв, невыносимых страданий и сомнительных удовольствий.

Да, я хорошо помнил рождение, но был уверен, что у него есть предыстория. Почему со мной это случилось? Кем я был до того, как родился?

Да, меня опять убили, но на этот раз я не испытал даже чувства досады – сам виноват. Враг оказался хитрее, а в моей бесславной кончине нашлись и свои плюсы. Теперь я знал, что

² Случайность, произвольность, беспорядочность. Вероятность какого-то результата.

³ Предмет наивысшего качества с уникальными характеристиками.

⁴ Сильный и редкий моб с особыми свойствами.

люди считают смерть от моих лап естественной и нормальной. Убивай, чтобы не убили тебя, – все честно.

Из Тени я хорошо видел довольные физиономии своих убийц. Жадно склонившись над трупом, они рассматривали «посмертный мешочек». Должно быть, там лежало нечто ценное. Их глаза так и светились счастьем.

Оказывается, дело не в мести. Только фарм, и ничего личного. Как это раньше не пришло мне в голову? Необычный кролик – и лут необычный. А вот из людей никогда не выпадает подарков. Хотя алмазным когтям, стальным челюстям или ангельским крыльям, к примеру, был бы рад любой из моих братьев и сестер.

Что за вопиющее неравноправие? Почему так несправедливо устроено мироздание?

Нет, оставаться на лужайке больше нельзя. Конечно, если нет желания продолжить генерацию сокровищ для алчных и страждущих. Рано или поздно они найдут мое логово и будут фармить меня по откату.

Нет, я не доставлю им этого удовольствия! Умирать неприятно, но еще хуже позволить себя использовать – признать и согласиться со слабостью. Ментальные раны гораздо страшнее физических, и залечить их труднее. Ведь тело лишь механизм из мяса и костей – нетрудно выбросить и подобрать новое. А вот ум всегда с собой. Его не поменять. Хотя неплохо бы найти пункт обмена и взять новую версию, чтобы так глупо не попадаться в ловушки.

Итак, придется оставить крепость врагу и заняться поиском новой. Жаль расставаться с деревом, но ничего не поделаешь.

Смерив торжествующих двуногих негодующим взглядом, я мысленно простился с родиной и решительно отправился в путь. Пересечь лужайку в Тени нетрудно даже без тела, а вот дальше начнется лес и с ориентацией на местности сразу возникнут проблемы. К тому же там можно и не встретить кроликов.

К процессу «одушевления» я успел привыкнуть и более не находил в нем ничего мистического. Хотя, скорее, тут подошло бы слово «одержимость»: в выбранное тело вселялся дух.

Я приблизился к потенциальному кандидату, оценивая его настроение и физическое состояние. Ошибка могла дорого обойтись. Обживать тело больного или колченогого кролика – занятие малоприятное.

На первый взгляд, все было в порядке. Шкурка с готовностью подсветилась голубой аурой, словно приглашая зайти. Легкое мысленное усилие – и уже через мгновение я рассматривал лес глазами нового тела. К счастью, все обошлось – «заселение» прошло без проблем. Мой кролик оказался в добром здравии.

На всякий случай я сделал два больших прыжка, чтобы протестировать крепость лап и гибкость суставов. И только тут до меня дошло, что наступила ночь. Впереди темнел лес, в кронах деревьев зловеще ухали птицы, а из-под коряги раздавался подозрительный шорох.

К сожалению, кролики в самом низу пищевой цепи, а потому лучше отложить свой переезд на утро. Приключений на сегодня достаточно, а новые я встречу уже со свежей головой и хорошо выпавшись.

Ближайшая к лесу нора была глубокой и сравнительно безопасной. Вытянув ушки вдоль спины, я прикрыл холодный нос лапами, но еще долго тревожно прислушивался, опасаясь облавы. Иногда люди фармили нас с фонарями.

Я всегда спал беспокойно и часто просыпался с поднявшейся дыбом шерсткой, а потом ничего не мог вспомнить. Не в этих ли кошмарах содержался ключ к загадке? У любой аномалии всегда есть причины, и разумный кролик появился наверняка неспроста.

В мыслях я часто возвращался к моменту своего рождения. Да, мир встретил меня болью и унижением, но стоило ли принимать вызов? Зачем я позволил втянуть себя в эту войну? Меня не покидало ощущение, что я стал деталью колоссального невидимого механизма, кото-

рый одинаково равнодушно перемалывает как охотников, так и жертв. Возможно, поэтому мой первый день так крепко запечатлелся в памяти...

Глава 2

День первый

Свет, тепло и подрагивающее розовое пятно в центре, к которому отовсюду тянулись маняще вкусные запахи. Горизонт чуть качнулся, превращаясь в узкую ленточку, а его место заняла плоская поверхность в коротких зеленых штрихах, на которых топтались небольшие белые шарики.

Неожиданно что-то коротко свистнуло. Один из «шариков» жалобно пискнул и обмяк, и вокруг него растеклась темная липкая лужица.

– Сколько тебе еще? Как же достал этот тупой фарм!⁵ – усталый и раздраженный голос.

– Много. Давай, качайся⁶, живодер. У нас на сегодня только пушнина! – звонко рассмеялся второй.

Резкая, острая боль. Все помутнело, окрасилось ярко-красным и ушло в черноту. Потом стало светлеть до холодной серой мглы, где слышался многоголосый неразборчивый шепот. Теперь виден только небольшой участок земли, где лежало несколько истерзанных пушистых комков с темными пятнами.

Я только что был одним из них!

Я? Кто говорит?

Так это же мысли. Невидимые, не всегда ясные, но порой очень громкие. Они возникают из ниоткуда, кричат, а потом бесследно исчезают в пространстве... ума. Да, ума! Это то, что их воспринимает и осознает.

Вспомнил! Кажется, эти пушистые существа называются кроликами.

Неожиданно в поле зрения возник двуногий великан, которому, видимо, и принадлежал один из голосов. Я испугался, и мир сразу сдвинулся, отодвигая от меня это страшилище.

Значит, все неприятное можно толкнуть, отпихнуть от себя!

Легкое усилие – и земля послушно заскользила подо мной. Серая мгла расступалась, постепенно открывая незнакомый мир, но одновременно столько же скрывая у меня за спиной. Разум будто просыпался после долгого сна. У меня получалось думать все яснее. Пространства для мыслей стало гораздо больше. Они приходили уже более сложными и разнообразными, путались и не позволяли отследить их все.

Стоп! Все могло оказаться совсем не таким, каким выглядело поначалу. Похоже, земля неподвижна, и передвигаюсь по ней я, а не наоборот, как я полагал раньше. Тогда лучше вернуться, чтобы в этом сумраке снова не наскочить на тех великанов.

Но на старом месте обнаружилась уже новая стая пасущихся кроликов. Я не мог перепутать – после прошлой казни бурые пятна еще не успели высохнуть на траве. Как им удалось вернуться в цветной мир? Я пропустил что-то важное, и теперь мои братья по разуму эгоистично и равнодушно жрут траву без меня! Мне не выдали такого же нового тела!

Спокойнее, нужно сконцентрироваться. Где-то должна быть подсказка к загадочному круговороту кроличьей популяции.

Уфф!

⁵ Монотонный и однообразный сбор ресурсов или игрового опыта. Фарм-спот – удобное для этого место.

⁶ Действия, направленные на увеличение характеристик персонажа.

Я испуганно прислушался к мыслям. Что это сейчас так сложно подумало? Я не вполне уловил смысл собственной фразы. Схожу с ума, не успев толком появиться на свет? Или, наоборот, вхожу в него? И кто же это так входит-выходит?

На этом месте мозг, видимо, заклинило. Пришлось взять паузу. Рассудок дергался в судорогах рефлексии от слов и выражений, смысл которых доходил не сразу.

Подумаю-ка лучше я о тех, кому принадлежат голоса. Во-первых, я понимаю их речь. Во-вторых, эти двуногие великаны явно лишены сострадания. Зачем им понадобились наши тела? И почему молчат мои братья и сестры?

Они даже не сопротивлялись, а ведь нас так много, что можно набрать целое войско! Я бы с удовольствием возглавил его, став полководцем пушистого воинства! Свирепым кроличьим царем, при звуке имени которого сердца врагов трепетали бы и разрывались от ужаса!

Хм-м... Кстати, как зовут царя-то?

Я этого еще не знал, но поразился собственной прозорливости и глубине мысли. Должно быть, мой ум проницателен, но пока еще туп. Тут же стало неловко и стыдно, словно внутренний свидетель обвинил обоих в глупости – меня и мой ум. Кстати, существуют ли они по отдельности и независимо друг от друга?

Что за мудреная чушь теперь лезет мне в голову? Возможно, лучше подождать, пока мой интеллект созреет и наберет силу. И уж тогда я здраво оценю ситуацию и пораскину мозгами. Впрочем, за меня это уже сделали, судя по состоянию трупа.

А вот сейчас была ирония или сарказм? Не помню точно, как это называется, но чувствую, что какие-то знания периодически всплывают из глубин памяти. А пока мой разум похож на плохо сыгранный оркестр, где время от времени просыпается очередной музыкант со своей партией.

Если не найду способ выбраться отсюда, то останусь этой многомудрой пустотой навсегда, а перспектива застрять тут надолго мне не понравилась. Конечно, можно привыкнуть ко всему, но лучше сразу к хорошему. Яркие краски, слепящее солнце, простор неба, запах и вкус сочной травы гораздо приятнее шепчущей мглы.

Вплотную подплыв к одному из кроликов, я вдруг заметил, что его мех будто бы светится. Да, так и есть – слабое голубое сияние. Оно казалось прекрасным и загадочным маяком в измерении, наполненном лишь оттенками серого. Сколько их? Пятьдесят? Больше? В любом случае, тот яркий мир намного светлее и богаче. Мне надо в него как-то вернуться.

А вдруг этот «маяк» – ловушка?

Некоторое время я сомневался. Внешний мир оказался жесток, а его уроки – слишком наглядно болезненными. С другой стороны, что мне терять?

Я мысленно потянулся к таинственному свечению и тут же вывалился в черноту, где не было ни меня, ни времени, ни даже пространства. А потом она словно взорвалась, оглушив яркими цветами, звуками и множеством запахов.

В прошлый раз мир выглядел обезличенным – я даже не выделял себя из единой картинки. Теперь же ум четко разделил ее на «меня» и «другое». И это двойственное мировосприятие оказалось практичным и одновременно пугающим.

Мир остался тем же самым, но воспринимался уже несколько иначе. Ум будто окрасил его в цвета эмоциональных настроек, не все из которых оказались приятными. Недавняя тупость больше не защищала. Этот спасительный барьер растаял, позволив проявиться страху и недоверию.

Итак, у меня опять есть тело. И, возможно, опять ненадолго. Великаны вернутся, принеся новую боль, и ее ожидание переживалось с почти физической мукой. Я чувствовал себя словно отравленным страхом. Еще ничего не случилось, а мне уже было плохо. Возможно, неожиданно проснувшийся интеллект скорее проклятие, чем преимущество.

Я снова поймал себя на «кроличьей философии», а ведь еще несколько минут назад в уме и слов таких не было.

К черту! Мне надоело бояться. Сомнения и неуверенность начинали бесить, и я решительно открыл глаза.

Да, все та же белая шубка и влажный розовый нос. Ничего нового на этот раз не добавили. Втайне я надеялся хотя бы на острые рога, чтобы дать отпор живодерам.

Осторожно пошевелив усами, я прыгнул и резко развернулся, вспоров землю когтями. Все в порядке – тело исправно работало.

Людам (да, я вспомнил, как зовут этих мерзких двуногих), видимо, нужна моя шкура. Я бы отдал им ее, чтобы меня оставили в покое, но она не отстегивалась. Попробовать договориться или сразу бежать? А может, спросить займы у соседей? Вдруг этим жутким великанам хватит и хвостика?

Но мои собратья молчали и бесцеремонно толкались, наступая друг другу на лапы. Какой пустой и бессмысленный взгляд! В эти глазницы будто залили жидкое стекло с плавающим твердым зрачком. Там не было даже намек на мысль. На всякий случай я решил поздороваться, но получилось лишь приветливо хрюкнуть.

Никакой реакции. Никто даже не шевельнул ухом, продолжая выкашивать траву, будто ничего не случилось. Поразительно, но через несколько минут она вновь выростала. Точно так же вновь появлялись и кролики. Видимо, по уровню интеллекта они были с ней почти одинаковы, а возможно, вообще являлись единым объектом. «Трава-кролики», люди и я – уже трое. И болезненные отношения, связывающие всех нас, мне определенно не нравились.

Неужели тут все так и работает? Что за чудовищная фабрика бесконечного воспроизводства кроликов, травы и страданий?

Еще непонятно, как все тут устроено, но в этом цикле чувствовалась явная ненормальность. Я словно попал в кошмар, и надо срочно проснуться, пока меня не вписали в этот адский конвейер.

Нет, я не собирался мириться с местной традицией! Бездумно жрать, прядать ушами и покорно отдавать свою шкуру? Не дождуся!

Но что я могу сделать в одиночку и почему так отличаюсь от остальных кроликов?

Моя странная уникальность не давала покоя. Вдруг это только болезнь, а временная вспышка интеллекта – один из симптомов, от которого нас так эффективно лечат люди? Или наоборот – мои сородичи больны тупостью, из которой я едва вылез? Впрочем, вылез ли?

Собственная глупость всегда незаметна, но само направление мысли вселяло надежду. Прогресс есть, я определенно становлюсь умнее. Страх и запутанность почти исчезли. А вот что с родственниками?

Надо бы проверить их на «одушевленность» и попробовать добиться разумной реакции. Они жрут траву так же, как я. Но любое мое действие предваряет «волевой импульс». Значит, наблюдая такое же действие у других кроликов, можно предположить аналогичный «сознательный акт». Поэтому они должны быть разумны и среагировать хотя бы на хамство.

Забежав вперед, я повернулся к соседу хвостом и изо всех сил лягнул задними лапами.

Удар вышел удачным – кролик взвизгнул, кувыркнулся и покатился, скрывшись за цветущими зарослями.

В два больших прыжка я обогнул куст и застыл, пораженный: эта ленивая длинноухая тварь мирно жевала траву прямо там, где упала! Если бы она вдруг застряла в ветках вниз головой, то, вероятно, продолжила бы жрать прямо так.

Проверка «на одушевленность» не сработала. Я ошибся в расчетах и выводах. Думаю, если оторвать кролю лапы, то его откормленная тушка так же невозмутимо бы каталась по полю. Неудивительно, что люди собирают нас, точно спелые ягоды. С другой стороны, неплохо, что вообще есть хоть кто-то разумный...

– Лапуля, я сдавать! – произнес все тот же грубый и раздраженный голос.

Мои убийцы вернулись! Внутри все похолодело. Мне захотелось вжаться в траву и превратиться в ничто. Сбежать бы в спасительное бесцветное измерение, не дожидаясь новой боли.

– Беги, мне еще штук сорок, – ответили за моей спиной.

И тут же меня дернуло. На мгновение мир расплылся и потерял резкость.

С трудом повернув голову, я увидел, что лапка держится на лоскутике окровавленной шкурки – стрела глубоко вошла в землю, перебив кость.

Я тихо захрипел, пытаясь убежать на трех ногах, и, словно завязнув в трясине, неуклюже завалился на бок.

Нет, даже уползти не получится.

Зато теперь стало хорошо видно моего палача: короткая юбка из кроличьих хвостиков, широко расставленные серые глаза, высокие скулы. Красные волосы, забранные в пучок на затылке, открывали смешные оттопыренные ушки.

Очаровательная самочка – Лапуля, как ее назвал дружок. Поразительно, но с земли эта юная особь казалась милой и совсем не страшной. Неожиданно я вдруг отчетливо понял, что знал ее раньше. Но где и когда? Сейчас она жестокий охотник, а я маленький искалеченный кролик – как между нами может быть хоть что-то общее?

Казалось, Лапуля тоже была озадачена, увидев осмысленный и полный страдания взгляд. Неужели не видно, что я не такой, как все? Хотя едва ли человеческая самка разбиралась в тонкостях кроличьей мимики. Да и грызуны, отягощенные приступами рефлексии, наверняка встречались нечасто.

Надо показать, что я жив – и умен. Ведь это первый контакт! Да встретятся кроличья и человеческая цивилизации!

Представляясь, я галантно приложил уцелевшую переднюю лапку к груди, но закашлялся кровью, и эффект смазался.

– Ффся-яффыф! – вот и все, что моя гортань смогла выдавить, оказавшись совершенно непригодной для членораздельной речи.

Оторопевшая девушка не смогла разобрать хрип, а вот необычный для грызуна жест, видимо, ее поразил – ее глаза расширились от изумления.

Присев на корточки, Лапуля принялась недоверчиво меня рассматривать: осторожно потрогала шерсть, длинные уши, расправила слипшиеся от крови усы.

Любое движение великанши пугало, но я терпеливо ждал результата. Она должна понять, что перед ней величественный кроль, который столь же разумен, как и она, а может, даже и больше! И ему невыносимо больно, черт подери!

Девушка беспомощно оглянулась, ища взглядом напарника, но тот еще не вернулся. Должно быть, процесс сдачи шкур «дядюшке Фарму» в самом разгаре.

Похоже, Лапуля колебалась, не зная, что со мной делать. В ее глазах ясно читалось недоумение и чувство вины. А может, просто переживала, что шкурка недотягивает до нужных стандартов.

Боль усилилась. Не выдержав, я грозно запищал и нервно отпихнул лапкой протянутую ко мне руку. Не пора ли этой дамочке извиниться?

Но мое возмущение девушка восприняла как мучительный стон. Сочувствуя скривившись, она потрясла головой, словно отказывалась верить происходящему, а потом неуверенно достала из-за пояса нож.

Вот тупица! Решила прекратить мои страдания? Пушистая юбочка уже есть, теперь на модный жакет шкурка понадобилась?

Теперь у меня был опыт удара задними лапами, и я хорошо понимал его эффективность. Пусть тело плохо слушалось, но на одно движение сил у меня еще хватит. Надо только дожидаться, пока лицо милашки окажется достаточно близко...

Р-раз!

Короткий вскрик и стук упавшего на землю ножа.

Удар получился не совсем точным, но когти глубоко располосовали щеку. Кровь брызнула и заляпала белоснежную юбочку.

Ага, получила? Надеюсь, ты станешь уродиной!

В следующее мгновение ко мне полетел Лапулин кулак, но я уклонился и встретил запястье резцами. Зубы едва скользнули по коже, но хватило и этого. Девушка испуганно взвизгнула и взмахнула рукой, отправив меня по параболе в густой колючий куст.

– Смотри! Багнутый⁷ моб! Сагрился⁸, сученьш, и кританул⁹! – истерично пожаловалось кому-то это чудовище.

– Не-е, они тут не агятся, – недоверчиво протянул подошедший спутник.

– Рарники агятся всегда! Стой, куда пошел? Останови кровь!

– Не дергайся, достану аптечку.

– Осторожнее! Видишь, как руку прокусил! А лицо? Как мое лицо? Сильно задел?

– Эм-м... Похоже, аптечка тут не поможет. Надо вернуться в деревню. По дороге расскажешь.

– Представляешь, какая хитрая сволочь? – Лапуля добралась-таки до моего тельца в шиповнике. – Я сразу поняла – знатная такая зверюга! А ведь как умно смотрел...

– Рарников тут никогда не было, – в тоне дружка отчетливо слышались нотки сомнения. – Но если и так, то лучше помалкивать. Потом вернемся, надо только вычислить, когда он ресается.

– Я же говорила! Смотри! Сетовые¹⁰ перчаточки! Ой, именные! Глянь, что написано: «Родная Душа. Все не то, чем кажется...»! Дают бонус к разрывным ловушкам! – Девушка даже захлопала в ладошки от счастья.

Перчаток я сроду не носил. Особенно сетовых. Висели на кустах рядом?

Да уж, «первый контакт» провалился, даже не начавшись. Я выпускал дух на острых колючках и больше не чувствовал боли. Звуки медленно таяли, и вскоре меня вновь встретила чернота, а за ней и серая дымка над травой с клочками заячьего меха.

Братя, я отомщу за себя и за вас, но есть ли у меня хоть какие-то козыри?

Кролик обыкновенный, белый, пушистый, со склонностью к жору в непропорциональных для размера масштабах. Вероятно, рарник, но на боевых качествах рарность почему-то не сказывается. Безобидный на вид, сильный удар задними лапами, крупные передние резцы. Но враг не трава и спокойно терпеть укусы не будет. Да и мало этого, добавить бы еще хоть что-то. Вонять, бодаться и грызть – куда ни шло. Но с моим «вооружением» получится только психологическая атака – на задних лапах, в полный рост. Надежда лишь на то, что человек лопнет от смеха или разрыдается от умиления, дав себя загрызть.

Нет, я обязательно что-нибудь придумаю! Ничего не забуду, за все отомщу! Люди хотят войны и боли? Они это получают! Организую кроличье сопротивление, украшу себя от лапок до хвоста бусами из оттопыренных ушек юных дев в меховых юбочках, а по кустам развешу гирлянды человеческих скальпов!

⁷ Ошибка программного кода, нарушающая механику игры.

⁸ Уровень агрессии, угрозы, заставляющие сосредоточиться на «обидчике».

⁹ Крит – действие с многократно увеличенной (обычно удвоенной) силой.

¹⁰ Сет – набор из нескольких вещей, дающих дополнительный бонус.

Воображение не подвело. Его картинка мне понравилась. Я представил, как Лапуля с дружкой в слезах умоляют о пощаде. Но им не будет прощения – они станут первыми жертвами во славу нового культа. Сделаю из их кожи большой барабан, звук которого будет вселять ужас во врагов кроличьего рода!

Воодушевление и прилив сил вернули надежду и подарили смысл жизни. Как оказалось, я мстителен и кровожаден. И пусть мои соплеменники выглядят бездушной декорацией к зеленой лужайке. Возможно, их тупость только к лучшему – наверняка есть способ управлять ушастыми бездарями.

По крайней мере, в Тени болеть уже нечему. Кроме моей души, конечно. Если такая у кролика вообще есть. И разозлилась она сейчас не на шутку. Появилась интрига, а с ней интерес, азарт и нервное возбуждение. Мне нравился собственный боевой настрой, но где-то на заднем плане все же маячила мысль, что лучше взять паузу и остудить свой пыл. Было бы унижительно закончить военную кампанию пушистой шкуркой на чьей-то заднице.

Я – бессмертный, а значит, впереди бездна времени, чтобы перебрать все мыслимые способы убийства двуногих. Испробую их все и научусь убивать! Боль – ничто! Меня устраивала цена, которую придется платить за ошибки.

Глава 3

День сто тридцать пятый

Я проснулся, почувствовав холод, и с удивлением обнаружил, что брюхо намокло, в норе влажно и душно, а сверху бежит тоненький ручеек. Придется долго чистить шкурку от грязи. Так наверху идет проливной дождь?

Вчерашний день был промозглым и хмурым, как раз под стать моему сегодняшнему настроению. Я снова пережил во сне свой первый день. Почему-то это воспоминание никак не отпускало меня, возвращаясь вновь и вновь.

«Зергель, а ты вот веришь в Черного Кроля? Веришь, что он такой уж умный?» – слова моих убийц огненными рунами отпечатались в памяти. Я никогда их не забуду. Выходит, случилось нечто абсурдное и неестественное – то, что никогда еще не случалось. Кроличий разум не мог возникнуть из ниоткуда, а это означало, что у меня есть какое-то прошлое. И оно наверняка отличалось от травоядного настоящего.

Пока я пребывал в расслабленном полусонном оцепенении, разбудивший меня ручеек превратился в поток, устремившийся на нижние ярусы.

Да откуда столько воды? Так ведь и нору затопит!

Я не стал больше мешкать и полез наверх. Мое тело и так умирало до отвращения часто и разнообразно, а утонуть в норе – слишком экзотично даже для кролика. Вероятно, поэтому я подсознательно предпочитал спать в дупле на дереве.

Нет, это явно не дождь, а настоящее наводнение!

Поток усилился и забурлил, норовя подхватить и унести вглубь. Я захлебывался, лапы беспомощно скользили по мокрой глине, но упрямо толкали вверх – к пятнышку светлого неба.

Светлого? Значит, снаружи не дождь. С севера поляну огибал ручей, но он совсем маленький и не способен превратить полянку в заливной луг. Возможно, где-то выше по течению у бобров разобрали плотину. Впрочем, пусть топит – не жалко. Этим утром я все равно собирался уйти.

Но уйти мне не дали, оглушив ударом дубины, как только я выскочил из норы.

– А Пуси-то не врал! Смотри-ка, сработало! – Человек гордо расправил намокшие усы и поднял меня за уши, показывая невысокой полненькой женщине. В руках та держала шланг, из которого хлестала вода. Его второй конец вел к ручью, где у насоса копошился еще один охотник.

– Конечно, не врал, – довольно осклабилась толстуха, – не зря же старосте за патент заплатили. Режь быстрее, а то не терпится!

– Так, думаешь, тот самый рарник? – Усач недоверчиво повертел в руке мою обмякшую тушку. Она словно плакала, роняя грязные капли на землю.

– Кто же еще? Обычные кроли по норам не прячутся. Режь! Чую, эпик даст. А вечером повторим, как рснется.

– А если рес раз в месяц? Тогда аренду спота и за год не отобьем...

– Не дрейфь! Лут с него шикарный! Видел, как в кабаке Пуси гулял? А кто ему язык развязал? – Женщина демонстративно поправила полную грудь.

Мужчина тяжело вздохнул и достал из-за пояса широкий охотничий нож. Я обреченно закрыл глаза в ожидании казни.

Холодная сталь распоролла мое горло, и грязная лужа под нами окрасилась кровью.

Опять Тень. Сколько можно...

Раскатали губу... Эти жадные ублюдки сами себя наказали. Их вложение не окупится. Рарного лута здесь больше не будет. Пусть качают воду хоть до посинения.

Чертыхаясь, я брел в серой мгле, но на этот раз уже не спешил показать себя миру. С меня хватит. Нельзя подолгу оставаться на одном месте, и лучше забраться как можно дальше. Меня будут искать на соседних лужайках. Лучше умереть со скуки в Тени, чем еще хоть раз так тупо отдаться. Этот чудовищный мир разделен на людей и кроликов, а я будто застрял между ними. Каким-то необъяснимым образом в теле жалкого грызуна оказался заточен человеческий разум. Иначе как я понимаю их речь? Я даже знаю, что такое «кабак» и как в нем «гуляют»!

Нельзя отчаиваться. Эта травоядная популяция слишком слаба. Надо искать дальних родственников. И хорошо бы они были настоящими хищниками. Люди не так сильны, но у них есть броня и оружие. К несчастью, мои нежные лапки его не удержат. Я ведь пробовал. Жаль, но естественным вооружением грызунов обделили. Природа пожадничала. На нас сэкономили!

Кстати, а ведь люди носят не только наши шкурки. На многих я заметил доспехи из толстой обработанной кожи, и она явно не кроличья. Поблизости наверняка водится кто-то еще, так почему бы не поискать этого зверя?

В лесу было заметно темнее. Для меня не имело значения, куда идти, и я брел наугад. Хуже точно не будет. Стайки безмозглых сородичей остались далеко позади. Скучать по ним не стану. Нужны новые звери, чтобы проверить мою теорию одержимости, а из Тени мир просматривался всего на несколько метров. Вокруг могли пастись целые стада прекрасных и сильных существ, а я бы их даже не заметил.

Вскоре и лес остался позади. А передо мной каменистое плато, зажатое между отвесными скалами. Безжизненный лунный ландшафт – тут не растет даже травинки. Шанс встретить здесь хоть что-то живое стремился к нулю.

Может, вернуться? Кто способен выжить на этой голой и бесплодной земле?

Некоторое время я стоял, раздумывая. Словно почувствовав мои сомнения, один из камней шевельнулся, а потом притянул к себе десяток других, чуть помельче. С легким постукиванием они взмыли в воздух и сложились в грубый гуманоидный силуэт. То, что секунду назад выглядело безжизненным и хаотичным, вдруг оказалось подвижным и упорядоченным.

Пока я изумленно рассматривал странную конфигурацию, внутренняя справочная подняла свои записи и уверенно классифицировала ее как «скального элемента». Название вновь всплыло само, стоило напрячь память, хотя до этого я понятия не имел, что такие бывают. Мистический процесс «припоминания» более меня не удивлял, но выглядел совершенно естественным и нормальным – точно так же, как муши из Тени или мое бессмертие. Обживая этот чокнутый мир, я всерьез опасался, что перестану замечать его странности. Должно быть, именно так психически здоровый человек привыкает к сумасшедшему дому.

Минутку! Вот откуда простой безграмотный кролик может что-то подобное знать? Пусть даже рарный? Вдруг я пациент психиатрической клиники, страдающий от неизлечимого нейродегенеративного заболевания?

Вот, опять! Еще одно мудреное слово! Эти ожившие каменные кирпичи могут оказаться лишь плодом моего воспаленного воображения. Не лучше ли спокойно подождать санитаров, которые вытащат меня из галлюцинаций?

А все свои ужасные смерти я тоже нарисовал сам? И кто тогда рисует художника?

Нет, лучше не усугублять ситуацию рефлексией. Оставляю все на своих местах. Даже если этот мир нереален, то боль и страдания в нем настоящие.

Я приблизился к элементалю вплотную, чтобы рассмотреть его ближе. Тварь тут же приглашающе подсветилась синим, словно только и ждала арендаторов.

Моя «мыслящая пустота» буквально взвыла от восторга, пусть и безмолвно. Значит, я – не кролик! Не жалкий и ничтожный грызун, обреченный безропотно поставлять шкурки

для алчного человечества! Я могу быть кем угодно, приняв форму существа, в которое влезу! Пуси, Лапуля, Зергель, Мафа и та неприятная толстуха – ждите! Я всех вас запомнил и скоро вернусь. Обещаю: вы мне рады не будете!

Но, едва потянувшись к элементалю, я передумал. Конечно, он выглядел внушительно и серьезно, но куда торопиться? Возможно, поблизости летают... драконы!

Хм... Интересно, что я про них вспомнил. Я же не слышал о них прежде. Возможно, мой разум «перезагрузился», а теперь восстанавливает данные после какой-то катастрофы. В теле кролика бездарно потеряна уйма времени, поэтому надо хорошенько подумать и осмотреться. Не век же выдавливать из себя лут для гуманоидных дармоедов!

Аккуратно огибая бодро марширующих элементалей, я бродил по плато в поисках наилучшего кандидата на заселение. Несколько попавшихся крупных жуков, мелких крыс и улиток всерьез не рассматривал. Живые камни обладали явными плюсами: иммунитетом к колюще-режущему холодному оружию, впечатляющим весом и потенциальной маскировкой. Но заметны и минусы: хрупкость и медлительность.

Кроме того, появились серьезные сомнения в их когнитивных способностях. Я не заметил в элементалях ничего, хотя бы отдаленно напоминающего органы восприятия. Ни глаз, ни ушей. Есть ли там вообще мозг или то, что его заменяет? Вдруг каменное тело станет тюрьмой, а я превращусь в тупой кусок горной породы?

С другой стороны, длительное пребывание в кроличьем теле не сделало из меня травоядного идиота. Значит, временные «апартаменты» не обуславливают свойств «чистого сияния разума», а вот психика неустойчива и подвержена влиянию внешних и внутренних факторов. Она на них реагирует, и ее состояние меняется ежеминутно.

Я злюсь на то, что причиняет боль, и тянусь к тому, что кажется удовольствием. Меня кидает от ярости и жажды мести к псевдофилософии и рефлексии о сущности бытия. А если ум настолько изменчив, то где настоящее, истинное «я»? Какое из этих многочисленных и столь разных состояний считать «мной»?

К черту! Моя цель – месть! Размышления о высоком оставлю до лучших времен. Сейчас же хочется вернуть обидчикам боль и отчаяние, а заодно забрать лут, что из меня выгребли. И лучше всего прямо с их кожей!

Красочные фантазии все еще будоражили воображение, когда клочья тумана вдруг предательски расступились, обнажив край пропасти. К сожалению, я заметил обрыв, только когда полетел вниз. Закон тяготения работал даже для «мыслящей пустоты», но вот разбиться вдребезги она не сумела.

Мягко приземлившись в глубокий ручей, я завис в толще воды. Течение стремительно потащило меня меж острых, как бритва, утесов, но в бестелесном существовании имелись свои преимущества. Вскоре мой «дух» вынесло на мель, к светлому песчаному берегу. Здесь мелкий, как мука, песок сменялся плотным травяным покровом, чуть дальше нырявшим под зеленый свод джунглей.

Не успел я выбраться на пляж, как из тумана выпрыгнул двуногий жизнерадостный ящер: короткие передние лапки, саблевидные лезвия длинных когтей и острые зубы. От неожиданности я растерялся и отпрянул.

Идеальное и быстрое орудие смерти! Вот бы мне встретить Лапулю в таком роскошном наряде...

Эта милейшая тварь хищно оскалилась, беззвучно пробежав мимо, и через мгновение исчезла в серой мгле.

Вот кто мне нужен! Надо брать! Нельзя потерять такое сокровище!

Предвкушение скорой расправы грело мне сердце, и я поспешил по следам ящера. Далеко идти не пришлось. Через несколько метров я нагнал свою цель под тенью гигантского папоротника. Кровожадная тварь обедала еще живой косулей с влажными от слез глазами. Бедняжка

слабо билась под чешуйчатой лапой, и рептилия неторопливо чавкала, наслаждаясь агонией жертвы. Казалось, на ее безобразной морде улыбались даже огромные бородавки.

Хочу такую!

Я радостно поспешил приблизиться к новому другу, предвкушая обкатку мощного, обвитого тугими мышцами тела.

Какое разочарование!

Вместо дружелюбного голубого свечения в нем слабо пульсировало агрессивно-красное. Я раз за разом прошивал собой ящера, пытаюсь найти в него «двери». К сожалению, их, видимо, надежно заперли изнутри. Чертова ящерица не собиралась или просто не могла впустить в себя.

Но почему? Чем это бородавочное страшилище отличается от кролика или элементаря?

Скрепя сердце, пришлось оставить тварь в покое. Видимо, есть свои правила и законы, о которых я еще не знаю. Что поделать... придется вернуться к уже проверенному варианту. Но элементарии остались на плато, и туда предстояло как-то забраться.

Склоны утесов почти не отличались друг от друга, а Тень сильно ограничивала видимость, не позволяя двигаться по ориентирам. Прошло немало времени, прежде чем я понял, что заблудился. Без тела нет и физической усталости, но вспышки злобы и раздражение выматывали даже сильнее.

В воображении постоянно возникала Лапуля, с ехидным хихиканьем осыпая меня ядовитыми стрелами. Казалось, их яд добрался даже до мозга, надолго отравив его ненавистью. Мучаясь от бессильной ярости, я попытался визуализировать и рассмотреть свой гнев, чтобы успокоиться.

Только после этого я перестал психовать и сразу же вспомнил принцип выхода из лабиринта любой сложности: надо идти, держась только одной стены. Это сработало – едва заметная тропинка нашлась.

Осторожно карабкаясь наверх, я вдруг понял, как рисковал. Из пропасти могло и не быть выхода, а ни умирать, ни лазить по отвесному склону «мыслящая пустота» не умеет. В такой западне бестелесный разум сидел бы веками, пока не спятил бы окончательно.

А вот и мои элементарии!

Больше не мешкая, я торопливо растворил себя в синей вспышке, успев соскучиться по цветному и шумному миру.

Глава 4

Ни тепла живой плоти, ни биения пульса, ни дуновения ветра – лишь холод, ощущение прочности и силы.

Я не понимал, чем именно вижу и слышу, но органы зрения и слуха исправно работали. А вот кроличьего обоняния очень не хватало. Осязание же было слабым и притупленным, словно пробиваясь через толстый слой резины. Но вместе с тем я хорошо знал, где находится центр тяжести тела, и четко чувствовал баланс. Как оказалось, элементаль представлял собой не кучу камней, а некую силу, что сплавляла их в единое целое невидимым энергетическим полем.

Впрочем, расстояние, на котором она действовала, было совсем небольшим. В этом я быстро убедился, когда резко развернулся, взмахнув «рукой» по дуге. Крайний камень оказался слишком тяжелым для такого маневра, и центробежная сила попросту оторвала его, отбросив далеко в сторону.

Отлетевший булыжник ударился о скалу с глухим стуком и раскололся пополам. Я не почувствовал боли – он перестал быть «мной», как только отделился от «тела». Пришлось наклониться и подобрать новый камень, легко и естественно занявший свое место. Для этого потребовалось лишь чуть-чуть сдвинуть построение остальных и подправить баланс.

Так... Теперь я не белый и пушистый, а твердый и хрупкий. С этим уже можно воевать, но было бы хорошо найти породу покрепче, чтобы не превратиться в кучку щебенки после первого же удара.

Некоторое время ушло на тестирование возможностей нового тела: маневренности, скорости и силы удара. Как оказалось, очень многое зависело от формы, размера и веса камней. После нескольких экспериментов удалось идеально их подогнать, и эффект сразу почувствовался.

Как я понял, у аборигенов тут принято ходить тройками, поэтому за мной повсюду, как привязанная, плелась пара угрюмых коллег. Впрочем, из-за отсутствия лиц я мог неверно интерпретировать их внутренний мир. Вдруг элементали жизнерадостны, смешливы и дружелюбны, а их напускная суровость призвана отпугивать любопытных геологов и алчных шахтеров?

Нет, скорее всего, мои боевые товарищи тупы и бесчувственны, как и кролики. Я то рассыпался, роняя себя бесформенной кучей, то вновь собирался – никто не обращал на эти трюки никакого внимания.

Хорошенько освоившись, я решил прокатиться к дальним рубежам новой родины и осмотреть владения. Получилось не быстро, и все же ход оказался мягким и плавным. Я словно ехал на хорошо смазанных гусеницах и так увлекся маневрами, что едва не промчался мимо врагов.

Их было четверо. Как и всегда, они вели себя нагло и самоуверенно. Живых каменных кучек хватало на всех, и люди неторопливо и методично разбирали их одну за другой.

Невысокая, но шустрая девушка держалась особняком и фармила элементалей в сторону. А вот остальную троицу я уже видел: коварный Пуси и влюбленная парочка. Кажется, их зовут Мафа и Зергель.

Как я понял со слов той предприимчивой толстухи, Пуси похвастался в кабаке про лут с рарного кролика, и мою полянку тут же арендовали. Болтуну пришлось искать новый фармспот. В такое совпадение трудно поверить, но мы снова встретились. Судьба упрямо толкала нас навстречу друг к другу, словно кто-то свыше сделал крупную ставку. В прошлый раз мне преподали хороший урок, но теперь все будет иначе.

Мне не терпелось опробовать новое тело в бою, но я осторожно откатился за скалу, чтобы продумать план действий. Элементаль не кролик – есть отличная возможность для реванша.

Он обладает достаточной мощностью, чтобы справиться и с хорошо организованной группой. Но лучше начать с малого и размяться на заведомо слабой цели. Для проверки сил одинокая девушка подходит как нельзя лучше. С такой крохой не должно возникнуть проблем. Надо только дождаться, когда она окажется вне зоны видимости троицы.

Юная дева выглядела стройной и хрупкой. Что она сможет сделать с тяжелыми твердыми камнями?

Как оказалось – очень многое. Для этого вывода хватило всего нескольких секунд наблюдения. Внешность обманчива. Под этим невинным личиком скрывался настоящий киллер, только казавшийся красивой бойкой девчонкой с двумя косичками, задорно прыгающими по плечам. Но как только она принимала боевую стойку – все мгновенно менялось. В ее осанке чувствовался утонченный аристократизм и достоинство, а в каждом движении – уверенность и скрытая сила.

Девушка выходила вперед, чтобы ее заметили сразу несколько групп элементалей, и оставалась. Опустив руки, она спокойно ждала, когда mobs сагрятся. Только едва заметное дрожание пальцев выдавало недюжинную концентрацию – они словно аккумулировали энергию, впитывая ее прямо из пространства.

Каменные увальни неуклюже разворачивались и бежали к ней со всех сторон. Тогда по телу красавицы точно проходила волна, воздух словно сгущался в ее руках, образуя белый комок. Изящным и отточенным движением девушка посылала его в ближайшую цель. Сбив элементаль с ног, снежок мгновенно покрывал землю вокруг него корочкой прозрачного льда.

И вот уже первый ряд атакующих беспомощно буксует, а в них врезаются набегавшие сзади. Горка отчаянно барахтающихся камней продолжает скользить по льду, но уже гораздо медленнее.

Обижать одиноких девушек сразу же расхотелось. А вот ей меня обидеть точно захочется. Она рвет элементалей на куски целыми кучами! Та троица выглядела безобиднее, но если эта фурия зайдет ко мне в тыл?

Тем временем девушка прыгнула и побежала в сторону, чтобы объединить оба фланга. После она развернулась, плавно подняла руки над головой, а потом резко опустила, будто схватив и потянув вниз само небо.

Нет, к счастью, небосклон остался на месте, но эффект был такой, точно сорвалось и упало солнце: огромный огненный болид рухнул, превратив большинство элементалей в облака горячего пара.

Чудом выжившие метались и заживо сгорали в лужах раскаленной магмы. Но оставались и те, кто не попал в зону массового поражения, и теперь они неслись к обидчику безмолвным тяжелым катком.

Изящным движением кисти ведьмочка нарисовала в воздухе круг. Из него веером вылетели кипящие шарики пламени, прошившие камни насквозь. Ни один из элементалей до нее не домчался.

Груда горячих безжизненных валунов вытянулась дымящейся стрелкой, указывая на их убийцу. Всего за несколько секунд оказалась дотла выжжена целая площадь. Последний из противников забрался дальше всех и теперь остывал у ног ведьмы. Могла и не успеть.

Девушка облокотилась на скалу и тяжело дышала. Должно быть, внешняя легкость движений давалась непросто – последнее чуть смазлось, и элементаль едва не превратил красивое женское тело в кровавую кашу. Короткую тунику, перетянутую широким ремнем, трудно назвать броней, а затейливый узор кожаных шнурков имел только декоративную функцию, подчеркивая достоинства ладной фигурки.

Я совершенно забылся, наблюдая за боем юной магички, и едва удержался, чтобы не крикнуть ей «браво!». Какое изящество, какая точность движений! В воздушном танце естественно и гармонично объединялась текучесть воды со всепоглощающей мощностью огня. В обыч-

ном бою против нее не было ни единого шанса. Но я и не собирался драться открыто и честно. Главное – первым нанести удар. Едва ли это смертельно опасное, но хрупкое существо переживет даже слабый удар булыжником по голове.

У моих же старых знакомых бой шел монотонно и гораздо медленнее. Пуси почти все время прятался за щитом, тяжело кряхтел и тыкал мечом в порядком разозленного элемента. Зергель же суетливо сновал у того за спиной, ковыряя парой кинжалов. Он то пропадал, растворившись в воздухе, то появлялся, чтобы нанести серию быстрых ударов. Толку никакого – лезвия клинков лишь легко царапали камень.

Мафа – статная, чуть полноватая девушка с толстой косой русых волос – безмятежно стояла на коленях за спиной у Пуси. Из молитвенно сложенных ладоней исходил непрерывный поток золотистого света. Казалось, она не обращала на бой никакого внимания, погружившись в глубокую медитацию. Покой и умиротворение на ее лице явно диссонировали с вымученным пытанием мужчин и звуками ударов стали о камень.

Группа с трудом допилила очередную тройку камней и теперь с завистью поглядывала на завораживающее шоу магички. Та прекрасно знала, что на нее смотрят, и с удовольствием позировала, провоцируя внимание мужчин легкой улыбкой и эффектными позами.

Зергель не выдержал и восхищенно цокнул языком. Красавица приветливо махнула рукой и словно зажгла в его глазах яркий свет. Парень просиял и тут же получил затрещину от разозлившейся Мафы.

Итак, несмотря на впечатляющую смертоносность, начинать придется с магички. Траекторию ее перемещений просчитать легко. Девушка в одиночку выжгла весь центр и северную часть, оттеснив коллег к югу. Ей придется уйти за скалы восточнее, чтобы оставить им хоть что-то. Вот там группа ее уже не увидит.

Переместившись на место засады, я опустил на землю, чтобы меня не заметили раньше времени, и стал терпеливо ждать свою жертву. Трудно заподозрить элемента в хаотично разбросанных по земле камнях, если только эта красавица не обладает особым зрением, позволяющим ей увидеть то, что связывает их в единое целое. Да и целое ли?

Я въезжал в чужие тела, точно в гостиницу, значит, все они не могли быть мной. Мысли откуда-то возникают, замечаются, а потом исчезают бесследно, значит, они тоже не «я». А вот разглядеть самого воспринимающего не получалось, сколько я в себя ни вглядывался. Вопрос в том, является ли он единым и целым?

Из чего состоит ум, что в нем можно увидеть? Волевой импульс, память, привычки, мотивы – все слишком текуче и непостоянно. Чем одна «сборка» качеств принципиально отличается от другой, если они все время меняются? Где начинается и кончается мое «я», чтобы четко отделить его от «другого»? Где тот неизменный «стержень», на который могло бы нанизываться все остальное? Да и есть ли в мире хоть что-то постоянное, кроме самого непостоянства?

Несколько настораживало и то впечатление, которое произвела на меня эта пылкая юная особь. С чего бы бесчувственному каменному чурбану испытывать к человеческой самке влечение? Наверное, для элемента было бы естественно увидеть волнующую разум гармонию в куске какого-нибудь горного хрусталя. Но меня взволновала мягкая и теплая девушка!

Значит, эта «мыслящая ясность» совсем не пуста? По крайней мере, в ней есть скрытая предрасположенность испытывать к красивой женщине особые чувства. Значит, мы принадлежим к одному виду, ведь сексуальный инстинкт не мог обманывать. Выходит, я человек или когда-то им был?

Но что является определяющим признаком человечности, чтобы отличить его от разумной крольчатины? Если бы я узнал такой атрибут, то поискал бы его у себя и вопрос бы решился. А если такого качества нет?

Я раздраженно мотнул «головой» и едва не привлек к себе внимание. Из-за угла как раз вынырнула магичка. Она настороженно застыла, боковым зрением заметив движение. Мне повезло – чуть выше на скале толкались несколько моих «родственников». Камень мог скатиться оттуда. Если бы я умел дышать, то непременно бы выдохнул с облегчением.

Противница успокоилась и занялась тем, что умела лучше всего, – массовым и виртуозным убийством. Без зрителей ее игривость и артистизм пропали, сменившись выверенной скупостью движений, рационализмом и точностью. Но даже сейчас эта пластика завораживала. Девушка уверенно контролировала поток бушевавшей энергии, вырывавшейся из нее то морозной струей, то жаром огня. В ее балете повторялось всего два грациозных па, но ведьма делала их так же легко, как дышала.

Какое красивое и безжалостное существо! Теперь оно, наконец, смогло расслабиться, сбросив маску улыбочивой и озорной девочки. В синих глазах словно погасло тепло, превратив их в холодные льдинки. Уверенность, стальная воля и жесткая властность – теперь магичка выглядела старше и уж никак не напоминала подростка.

Найдя взглядом новые цели, она с эффективностью механизма превращала живой камень в мертвую крошку и пыль. Но вот меня она пропустила, приняв за уже убитого элемента, разбитого на куски.

Мысленно ухмыльнувшись, я почти беззвучно собрался в массивную громадину за ее спиной. Скрип снежных кристаллов переходил в треск пламени и грохот разрываемой горной породы – в такой какофонии услышать стук камней почти невозможно.

Тяжелые булыжники нависли над девушкой, словно спрашивая разрешения, но я все еще медлил.

Золото, забранное в два детских хвостика, трогательная родинка на шейке, хрупкие ключицы, крохотные красные стеклышки в маленьких ушках...

Я чувствовал себя так, словно хочу ударить ребенка.

Нет, это же наваждение! Надо бить! Передо мной безжалостный и хладнокровный монстр, прямо сейчас выжигающий моих каменных братьев!

Я решительно поднял камни повыше.

Вот, сейчас!

Нет, не могу! Слабак!

Что-то внутри яростно протестовало. Но не потому, что мне стало жалко врага. Да, он жесток, умен и заслуживает уважения, но никак не жалости. Просто чертова ведьма слишком красива! И казалось, что это неземное совершенство обладает некой сакральной и самостоятельной ценностью, разрушить которую было бы святотатством.

В этот момент девушка что-то почувствовала и обернулась. Я стоял почти вплотную – в ее взгляде мелькнуло удивление, но не страх. Какое-то время мы просто смотрели друг на друга. И вдруг она закрыла глаза и закричала – пронзительно, страшно, совсем по-звериному.

Трудно поверить, что человеческое горло способно издать такой вопль. Нет, это не было криком ужаса и отчаяния загнанной жертвы – это был настоящий боевой спелл¹¹. Его вполне бы хватило, чтобы отскочить и обездвижить, влепив снежный заряд, а потом спокойно и методично расстрелять огнем издали.

Но все сложилось иначе. Этот дикий крик лишил меня контроля над телом, и я почувствовал, что энергия, связывающая его части, исчезла. Камни отделялись друг от друга и падали, а два из них висели прямо над головой ведьмочки. Бедняжка продолжала истошно вопить, и они опустились сами собой, с неприятным хрустом размозжив ей череп.

¹¹ Заклинание.

Через несколько секунд вернулась способность к движению, но от меня ничего уже и не требовалось. Прежде так восхищавшее тело казалось сломанной куклой, потерянной меж забрызганных кровью камней.

Пусть невольно, но все же я убил этого монстра. Поразительно, но самым опасным оказалась не смертоносная магия, а отравленная красота, парализовавшая волю и разум. Идеальное женское тело – эффективное оружие подчинения. Я едва не погиб, поддавшись его чарам.

Теперь у змеи вырвали ядовитые зубы, а оставшееся более не представляло опасности. Поразительно, что столь ничтожное физическое воздействие способно разрушить красоту и развеять иллюзию. Раздробленная черепная коробка, слипшиеся волосы, содранная кожа, свисавшая лохмотьями, обнажившееся мясо лицевых мышц. Одно глазное яблоко выпало и повисло, держась на тоненьком жгутике.

Какая гадость! Как можно было купиться на это? Отвратительная слизь, мясо и жир, кал и моча скрывались за тонким фасадом безупречной матовой кожи. Удивительно, как омерзительные части, собранные в одно целое надлежащим образом, вызывают соблазнительно-манящий эффект.

Мысленно чертыхаясь и злясь на себя, я отошел и живописно раскидал свои камешки возле трупа, ожидая гостей. Громкие вопли не могли не услышать – за скалой раздался топот.

Первым из-за выступа скалы вывернул Зергель. Увидев изуродованное тело, он ахнул и попятился, отдавив ногу взвизгнувшей Мафе.

– Жива? – тяжело дыша, спросил Пуси, подбежавший последним.

– Без головы-то? А ты как думаешь? – язвительно ответила Мафа. Усевшись прямо на меня, она принялась растирать отдаленную ступню. – Фу, чуть не вырвало. Слишком рисовалась, звезда... Видели, какие фигуры выписывала?

– Да, синхронизацию¹² она держит почти на пределе. Бесстрашная. Ничего не боится. Еще бы на уровень вверх – и с концами, – заключил Пуси, внимательно осмотрев трупик.

– Кто ее так? – побледневший как полотно Зергель спрятался за Мафу, словно всерьез надеялся, что она защитит его от такой же участи.

– Удар тяжелым тупым предметом. Два удара, – Пуси задумчиво провел пальцами по моим окровавленным «кулачкам» и наклонился, шумно приняхавшись.

– Фу! Зачем? Ты еще оближи их, – брезгливо поморщилась Мафа. – И так понятно, что не сама умерла!

– Все ясно, – Пуси многозначительно посмотрел на верхнюю площадку, где все еще толкались несколько элементарей.

– Что ясно? – нервно спросил Зергель, проследив его взгляд.

– Похоже, Сельфина подстрелила одного из них, и тот свалился ей прямо на голову! – авторитетно заявил Пуси, рассматривая свой окровавленный палец на свет.

Сельфина? Подозрительно знакомое имя... У меня возникло чувство, что я с ней еще обязательно встречусь. Странно, но эта ведьмочка мне по-прежнему нравилась...

– А она, глупенькая, стояла внизу и ждала, да? – фыркнула Мафа. – Ты видишь, что наверху ползает полная пачка? А внизу камней максимум на одного элементаря. Получается, это четвертый приبلудный?

– Двух других разорвало в мелкий щебень, а кусками третьего ее и придавило! – заступился за друга Зергель и в сердцах пнул меня в «бок».

¹² Показатель, определяющий уровень и качество сигнала, которым обменивается «фитнес-костюм» с игровым сервером. Высокий уровень обеспечивает лучшее взаимодействие с виртуальным телом, увеличивая точность, реакцию, степень свободы движений и ощущение боли. Смерть в игре при максимальном значении синхры вызывает шок и гибель мозговых клеток.

– Не плачь, малыш, твоя любовь через пару часов прибежит и все расскажет. Куда так надрываться... – нарочито равнодушно проворковала Мафа, видимо, так и не простив ему цоканья и восхищенного взгляда.

– Нет, с нулевым делевелом¹³ не прибежит, – Пуси поднял свой щит и вытер пальцы о штанину. – Только если завтра. В городе спросим.

– Не забудь только аудиенцию забронировать. А то ведь к нашей звезде даже через фан-клуб не пробиться, – хихикнула Мафа.

– А вдруг это сам Черный Кроль? Не его ли грязных лап это дело? – почти прошептал Зергель, оглядываясь. – Говорят, такая тварь может обернуться любым мобом в игре. В таверне рассказывали, что недавно он вырезал сводный рейд «Нью-Лайфа» и «Артификалов» на аут-доре¹⁴.

– Да что-то не верится, – покачал головой Пуси. – Они обычно включают трансляцию на полмира. Пресса бы знала.

– Так их спонсоры все скрывают, чтобы не уронить курс акций. Репортеров купили, а слухи-то ходят! Думаю, в тот раз на полянке был именно он – глазищи умные и зыркал он ими так, словно запоминал! А я говорил, что лучше не трогать этого странного рарника! Черный Кроль придет за нами, чтобы отомстить! – Зергель сделал страшные глаза и показал передние зубы – видимо, изображая меня.

Я ничего не знал про этот «сводный рейд», который якобы угробил недавно. Людское внимание льстило, но я все же не настолько могуч, чтобы сметать с пути целые гильдии. Похоже, на меня теперь будут валить все. Ну и ладно! Придется соответствовать.

– Зергель, милый, да у тебя паранойя. Даже если Кроль действительно существует, то мы свой шанс упустили. Сейчас его фармит та толстая тварь, которой проболтался наш умник! Да, Пуси? – Мафа смерила его презрительным взглядом. – Дело ведь того стоило? Хорошая выдалась ночка, верно?

– Да, я кретин. Согласен! – смутившись, покраснел тот. – Но и вы виноваты! Предупреждал же, что мне нельзя пить!

– А ты при нас и не пил! Тебя напоили в кабинке для приватного танца!

– Ребята, давайте закончим уже! – Зергель демонстративно достал кинжалы из-за спины. – Сельфина крада мобов у нас из-под носа. Фарм-спот теперь наш. Надо бы набить побольше, пока никого нет.

– Что есть, что нет... Вы все равно больше кучки не разбираете, – поддразнила его Мафа. – Просто боги ДПС-а¹⁵. Мы так до вечера царапать камешки будем.

– Я тут много не выдам. У этих мобов резист¹⁶ к режуще-колющему, – огрызнулся Зергель. – Дайте пару одноручных булав – и все сразу изменится!

Пуси махнул рукой, устало вздохнул и отправился к ближайшей стае элементарей. Зергель виновато поплелся за ним, а Мафа так и осталась сидеть прямо на моих камнях. Похоже, удобно устроилась, но не скажу, чтобы мне это понравилось. «Молиться» за своих мужчин она могла и отсюда.

Громко прорывав, Пуси пожадничал и привлек внимание сразу двух групп. Возможно, из-за обидных слов Мафы, а может, просто решил наверстать время. Через минуту он пожалел об этом: от обрушившихся ударов тело под доспехом наверняка стало синим. Стальная броня спасала от резаных ран и уколов, но не от тупого оружия.

¹³ Понижение уровня или навыков после смерти игрока.

¹⁴ Общедоступный рейд-босс вне подземелий, доступных только для одной группы.

¹⁵ (От *англ.* damage per second, DPS) – урон, наносимый за единицу времени.

¹⁶ Способность сопротивления магии, вплоть до полного иммунитета.

– Мафа, ты специально, что ли? Хил¹⁷ будет? – поморщившись, проворчал Пуси после очередного болезненного тумака.

Девушка удовлетворенно улыбнулась и, вероятно, решив, что болтун наказан достаточно, наконец встала. Теперь ее поза вновь излучала покой и смирение, видимо, преобразуя добродетели хилера в лечащий поток теплого света.

Зергель терпеливо дождался, пока мобы целиком сосредоточатся на Пуси, и исчез, чтобы проявиться за ними. Похоже, женский сарказм оказал благотворное действие, и под таким баффом¹⁸ парнишка махал кинжалами с удвоенной яростью.

Похоже, пора действовать. По традиции, лучше всего начать с женщины. Оставшись без хилера, ребята загнутся и без моей помощи. Прости, Мафа, но я знаю, что убить в этом странном мире никого невозможно.

Уже отработанным движением я бесшумно поднялся у нее за спиной и, почти не колеблясь, стукнул камешком по затылку.

В шейке что-то слабо хрустнуло, голова клюнула вниз. Неловко подвернув ногу, девушка медленно опустилась на землю. Ее тело безвольно обмякло, но так и осталось сидеть, словно она продолжала молиться.

Как удачно! Увлеченный схваткой отряд не заметил потери бойца. Я вновь рассыпался по земле, представляя, как Мафа злится в Тени. Хотя у людей посмертие могло выглядеть как-то иначе.

– Хил! Мафа, хватит! Не валяй дурака! Лечи! Спишь, что ли? – Пуси нервно оглянулся, отступая к хилеру.

Да, шесть элементарей сразу – это не шутки. Четыре из них уже лежали на земле неподвижными горками, но успели нанести раны, которые вылечить сейчас уже некому. Конечно, если только Пуси не обнаружит в себе способности к самоисцелению.

– Брось их! Посмотри, что с ней! – приказал он, подслеповато щурясь. Сочившаяся из-под шлема кровь заливала глаза.

Зергель обогнул элементарей и со всех ног бросился к Мафе, на ходу доставая аптечку.

Я подобрался и, рассчитав дистанцию, собрал тело прямо в рывке, уже традиционно рассчитывая покончить с парнишкой одним касанием. Это было наивно – камни беспомощно рассекли воздух там, где только что находилась голова Зергеля. Тот просто нырнул под них и исчез.

Проклятье! Слишком медленно!

В следующую секунду я почувствовал укол сзади. Потом еще один. Парень разошелся не на шутку. Неприятно, но не смертельно.

Развернувшись, попытался встретить его тяжелым акцентированным ударом, но Зергель ловко уклонился и снова исчез. Камень, не встретив цели, едва не оторвал мне «руку».

Мафа явно недооценивала своего живчика. Особого вреда он мне пока не нанес, но и попасть по нему оказалось почти невозможно. На Пуси все еще висела пара элементарей, и помочь напарнику он не мог. Но, если допилит, то мои дела будут совсем плохи. Конечно, до Сельфины ребятам далеко, но вдвоем они справятся со мной быстро.

Зергель наконец проявился и теперь маячил на безопасной дистанции, не решаясь атаковать в одиночку. Этот ловкий проныра слишком уязвим и тщедушен. Его кожаная броня не способна смягчить прямой и жесткий удар. Сейчас ему стоило бы помочь напарнику и только потом вернуться ко мне.

¹⁷ Хил – лечение. Хилер – игрок, специализирующийся на лечебных заклинаниях.

¹⁸ Бафф – временное усиление навыка или способности. Дебафф – их понижение или долговременный урон, наносимый цели.

– Фокус моих! Потом нюкнем¹⁹ рарника! – Приказ Пуси подтвердил мои опасения. Сделаю то же самое: помогу родственничкам, пока те еще живы.

Я торопливо помчался к «своим» на выручку. Спину ужалило в нескольких местах сразу, словно на меня набросился рой мелких озлобленных насекомых. Пока ничего страшного – можно терпеть. Мысленно я поблагодарил всех местных богов за то, что у Зергеля не булава, а кинжалы.

Для Пуси мой маневр не стал большой неожиданностью. Шагнув в сторону, он развернулся – меч свистнул и по широкой дуге ударил по выставленной вперед каменной «лапке». Крайний булыжник отлетел и укатился, оставив меня с короткой култышкой.

Теперь Пуси заслоняли от меня два каменных «братца», а ухмыляющийся Зергель кружил за спиной, выбирая момент для новой атаки.

Черт! Похоже, хана. Я не знал, что делать с этой парочкой. Один умело маневрировал, удерживая толкавшихся мобов между нами, а второй висел за спиной, ограничивая мои движения. Кинжалы хоть и не наносили критического ущерба, но все же сильно замедляли. Рано или поздно меня доковыряют.

Пытаясь обойти мешавшихся мобов, я в очередной раз проехался по мертвой Мафе, и тут меня озарило.

Придерживая ее тело своим обломком, я оторвал труп головы, чтобы использовать ее вместо отсеченного камня. С легким щелчком она заняла его место, но зрелище получилось еще то: с обрубка шеи капала кровь, а бледное лицо будто оживало в движении.

Чтобы еще более усилить эффект, я пошевелил отвратительным «кулачком» перед потрясенным Зергелем. Похоже, этот трюк его психика выдержать не смогла – шокированный, парень вытаращил глаза и застыл, не в силах оторвать взгляд от подружки.

Такой шанс нельзя упускать!

Не теряя времени, я раскрутил новую «руку» и, отпустив связь, метнул голову Мафы. Страшный снаряд попал Зергелю в грудь. У бедняги сразу же подкосились ножки. Он не смог даже пошевелиться, когда, разорвав дистанцию, я обрушил на него свой самый тяжелый валун.

Покончить с последним противником оказалось нетрудно. Я отеснил Пуси за скалу, где мирно паслись еще свеженькие элементали. Сагрившись, они переехали его со спины. Прикрыть ее ему было уже некому.

Я отомстил – на земле валялись четыре человеческих тела. Мои камни покрывала липкая теплая кровь врагов. Победа? Мне хотелось именно этого?

На этот раз месть не доставила ожидаемого удовольствия. Ненависть ушла, оставив после себя странную тоску и разочарование. Стало даже хуже, чем было. Я чувствовал, что сделал глупость, согласившись с ролью, которая абсолютно мне не нравилась.

Теперь уже в смерти ребят не виделось ни малейшего смысла. Мы все бессмертны, а причинять боль порой труднее, чем терпеть ее самому. Если во мне и есть эта неуловимая «человечность», то именно сострадание должно быть ее стержнем.

Солнце приятно грело камни, высокое небо манило необъятным пространством, но мне было не до местных красот. Погруженный в раздумья, я медленно катился к обрыву, откуда в прошлый раз так неудачно свалился. Лениво развалившись на краю, пытался хоть что-нибудь вспомнить, но из подслушанных разговоров целостная картинка все еще упрямо не складывалась.

Прошрое словно заслоняло зыбкое густое марево, но невидимые фильтры медленно таяли, открывая ранее скрытые пласты информации. Причем не новые знания, а мои собственные воспоминания. Иначе как понятие могло проявиться во внутреннем дискурсе, если его объект никогда не встречался? Не может же бывший кролик или элементаль испытывать стран-

¹⁹ Нюк (бурст), «закидывание тапками» – скоростная тактика добивания врага, невзирая на любые потери.

ное возбуждение, увидев Сельфину? Да и Лапуля выглядела почему-то знакомо, хотя в мыслях о ней уже напрочь отсутствовал сексуальный подтекст.

В моем смятенном уме словно гудел рой растерянных пчел. Я собирался не думать, а вспомнить, но, возвращаясь к исходной точке, вновь забывался в мутных концепциях и в конце концов перестал бороться с собой, отпустив мысли на волю. Не гнать их насильно, не поощрять, не исправлять, не менять на другие, а бесстрастно смотреть в ясность осознания, позволяя всему просто быть, как ему вздумается.

Отпустить, все отпустить...

И через какое-то время я будто исчез, превратившись в чистую ткань бытия, на которой этот мир и был нарисован. Его безжалостное колесо продолжало вращаться, но я словно находился уже не на ободке, а в центре, и потому был неподвижен.

Все проявленное воспринималось равнодушно и отстраненно. Солнце грело все так же, высокое небо лениво облизывали пухлые облака, внизу журчала река, а где-то, наверное, яростно материлась Сельфина. Но мне было уже наплевать на реальность. Теперь эта живая и красочная иллюстрация никак меня не затрагивала и не волновала. Все лишь иллюзия. Причем вместе со мной. Потому что я не кролик, не камень и даже не человек.

«Я» есть сама осознающая ясность – чистое и ничем не замутненное восприятие. И этот очевидный факт не требовал доказательства, которое следовало бы выстроить в уме или, тем более, произнести вслух. Мысли появлялись, но, не подпитываемые усилием, тут же таяли. Они возвращались туда, откуда возникли, более не окрашивая реальность в оттенки неприязни, желания или равнодушия.

Отпустить. Все отпустить...

Глава 5

Залитая светом степь – золотистые волны высохшей травы. Осеннее солнце не греет. Порывы холодного ветра рвут синие гильдейские штандарты на пиках. Мой рейд выстроился клином и ждет приказа.

Я слезаю с лошади и тщательно растираю горсть сухой земли в ладонях – едкий запах доказывает, что разведчики не ошиблись. Кажется, что, кроме нас, тут никого нет, но тварь прячется где-то здесь, и мы найдем ее раньше других!

* * *

Что-то громко ухнуло и взорвалось. Степь моментально исчезла, а вместо нее вновь проявились отвесные скалы, на которых я мирно грел свои камни.

Черт! Черт! Да что здесь творится? Только начал все вспоминать!

Волна раздражения переросла в ярость и обожгла ум, дотла спалив так бережно возвращенную медитацию. Я злобно оглянулся на шум, готовясь растоптать и разметать досадную помеху, но «помех» было много. Слишком много.

Во вспышках огня и облачках пара метались редкие фигурки элементарей, за которыми с улюлюканьем гонялись двуногие. Никогда не видел их столько сразу. Мобов на всех не хватало, и толпа буквально перепыхивала плато, паля по площадям и разбивая в щебенку все крупные камни.

Да уж... Как меня угораздило стать столь популярным в человеческом мире? Мертвецы здесь необычайно болтливы, и новость о чудесном явлении Черного Кроля наверняка облетела весь город.

Я лежал в естественном углублении на самом краю обрыва, и только поэтому меня еще не заметили. Надо было валить отсюда сразу после боя, но всплывшие воспоминания оказались слишком важны. Разберусь с ними чуть позже, а пока лучше с достоинством отступить в джунгли, спустившись к слезливым косулям и прожорливым ящерам. Спрячусь, обрасту плесенью и выращу на себе мох и лишайник. Никого не трогая, буду мирно медитировать и вспоминать, как дошел до жизни такой.

Я осторожно подвинул то, что считал «головой», к краю обрыва – ручей протекал прямо подо мной. Придется изобразить небольшой оползень.

Вокруг стоял такой гам, что звук камнепада никто не услышал. К счастью, на дне ручья оказался не рыхлый ил, а мелкая галька. В трясине бы меня уже никто не нашел, но и выбраться из нее было бы невозможно.

Поначалу вода едва покрывала макушку, но чуть дальше русло заметно расширилось и углубилось. Я шел, мягко подталкиваемый в спину быстрым течением и подозрительными взглядами скользких сомов из-под ветвистых коряг. Какая-то удивленная рыбешка надоедливо вилась вокруг, пытаясь отложить икру прямо на мои камни.

Перед порогами мне встретилось текучее и прозрачное существо – водный элементаль. Переливаясь бесчисленными отражениями, он беззаботно испускал десятки солнечных зайчиков. Серебристые капли то собирались в большие подвижные сферы, то распадались на красивые радужные пузыри. По сравнению с ним я выглядел грубым и неотесанным каменным чурбаном, прикованным к земле гравитацией.

Насколько же лучше вот так же бездумно булькать в свежей и холодной воде, а не искать суть бытия в бессмысленном мире! Массивное и неповоротливое тело будто отягощалось столь

же тяжелыми мыслями, а наличие интеллекта представлялось уже сомнительным преимуществом. Не было бы ума, не было бы и проблем.

Наконец впереди показался лес и уже знакомый пляжик. Медленно перебирая «гусеницами», я с трудом загнал порядком надоевшее тело на берег. Камни глубоко вязли в рыхлом песке и, едва добравшись до первого же густого куста, я забросал себя листьями и с облегчением рассыпался в его тени.

Но спокойно вспомнить и обдумать недавний «сон» мне не дали – рядом сухо треснула ветка. Хлопнули крылья, и с предупреждающим карканьем в небо поднялось несколько рассерженных птиц.

– Макс, ну что ты как слон! Всех распугал, – недовольно прошептал женский голос.

– Прости. Бес попутал. Сейчас отзову, – извинился мужской.

Щурясь от яркого света, на пляж вышла хорошо знакомая мне парочка: стройная красноволосая девушка с оттопыренными ушками и высокий нескладный парень. А с ними и мелкая злобная тварь с влажным поросычьим рыльцем.

Ну да, это же мои первые убийцы – Лапуля и ее долговязый спутник. На этот раз мстить уже не хотелось. Я слишком часто вспоминал день рождения, и первые враги успели стать почти родственниками.

– Все улетели? – невозмутимо спросил Макс и громко щелкнул пальцами. Бес обиженно взвизгнул и исчез с неприятным запахом серы.

– Нет, остались на тебя посмотреть! Где вот теперь их искать? Столько выслеживать, чтобы твоя чертяка в самый последний момент все запорола!

– Так извинился уже! Мне голову разбить о булыжник, чтобы ты успокоилась? – Парень кивнул на меня.

В принципе, я был бы не против. Пускай разбивает. Этот хлыщ все равно мне не нравился. Но тот вдруг нахмурился и стал разглядывать глубокие борозды, которые мой элементаль пропахал на песке.

Вот остроглазый! Увидел же...

К счастью, его отвлекли.

– Я всегда спокойна! – потрясая кулачками, закричала Лапуля.

Небо будто вскипело стремительными черными галочками, и по песку зашлепал птичий помет. Вот теперь точно все улетели. Сварливая девка подняла на крыло самых хладнокровных пернатых.

– Отлично! – Макс раздосадованно засопел, вытирая с щеки едкую кляксу. – Молодец! Ты справилась с квестом – птиц здесь не будет до вечера. Только вот и сдавать нам нечего.

– Плевать! Я же просила пойти на скалы за Черным Кролем! А здесь нас обгадили с ног до головы! А ведь у меня уже могла быть и вторая сетовая шмотка! – топнула ножкой Лапуля.

– Откуда? Сельфина послала на плато весь город. Какой такой Кроль? Нам бы там даже самый тупой элементаль не достался.

– Ладно, забудь! – Девушка раздраженно плюхнулась на песок, не пожалев чистую пушистую юбочку.

Которую мне было искренне жаль. Я слишком хорошо знал, из кого это шили.

– Знаешь, посиди-ка здесь и остынь. Поищу жар-птиц за холмом. Они вроде бы туда полетели. – Не дожидаясь ответа, Макс ссутулился еще больше и уныло поплелся вдоль берега.

– Да уж, постарайся! – крикнула Лапуля ему в спину и страдальчески закатила глаза. – Чистить сам будешь. А лучше неси сразу ошипанных!

Демонстративно отбросив лук, она звездой раскинулась на песке, но вскочила и подобрала его, как только дружок скрылся из виду. Выверенным движением девушка достала из-за спины стрелу и прицелилась, видимо, увидев кого-то в ручье.

Я так и не понял, куда она целится. Да, Лапуля определенно умела обращаться с луком. Ноги прочно стояли на песке, а сама она чуть наклонилась вперед, но при этом не изогнула и не скрутила корпус. Подбородок приподнят, чтобы дать место кисти, удерживавшей тетиву. В целом, поза выглядела естественной и устойчивой. Девушка следила за кем-то в воде и терпеливо ждала, чтобы выстрелить на полувыходе между ударами сердца.

Фьюить!

Казалось, стрела просто исчезла из лука, а левая рука даже не шелохнулась, будто приклеенная к точке в пространстве. Мгновенное движение правой в колчан за спину – и ушла новая! Через доли секунды еще одна! Теперь все три торчали в воде, поразив что-то невидимое.

Жертвами оказались сомы, что ранее провожали меня недобрыми взглядами. Рыбу могло унести быстрым течением. Лапуля побежала за ней по мелкой воде, и радуга заиграла в поднятых сверкающих брызгах.

Эта девчонка явно не умрет с голода. На дистанции она, вероятно, чрезвычайно опасный противник. Но справится ли она с каменным элементом? Что ему может сделать стрела? Отбить пару крошек? Даже кинжалы Зергеля – и те только царапали. Серьезную угрозу для меня представляла лишь магия да раскалывающие удары тупым оружием.

Нет, сейчас я не собирался никого убивать, а лишь обдумывал, как безболезненно и быстро поменять осточертевшее тело. Каменный элементаль, видимо, в джунглях не водится, а след за собой оставляет, как тяжелый танк. Надо подобрать кого-то из аборигенов, иначе сюда опять сбежится полгорода.

А расстаться с такой глыбой не просто. Повеситься, утонуть или порезаться она попросту не могла, а биться «лбом» о скалы долго и больно. Надеюсь, Лапуля поможет. Конечно, придется отблагодарить ее лутом, но сейчас его почему-то было не жалко. Получит вторую сетовую шмотку с меня и сразу похорошеет, а то совсем запилила парнишку.

Пока я прикидывал, как покончить с собой, девушка по-хозяйски развела костер и в небо взвились струйки сизого дыма.

Какая трогательная забота. Хочет задобрить Макса жареной рыбкой. Наверняка чувствует себя виноватой...

Я не успел проследить мысль: что-то крупное вылезло сбоку, загородив поле зрения.

Ящер! Даже два!

Так... Видимо, Лапулю придется спасать. Но спешить не буду. Хотелось посмотреть на толкового лучника в бою. Вмешаться всегда успею – ни одни зубы с камнем не справятся.

Тем временем ящер подкрадывался, с кошачьей грацией сокращая дистанцию: осторожный шаг левой лапой, аккуратный перенос веса, шаг правой. Чуть покачался, проверяя опору, чтобы не скрипнул песок. Немигающие глаза ни на секунду не отрывались от спины жертвы, а ноздри жадно втягивали запах. Маленькие передние лапки с когтями-кинжалами были готовы вонзиться и рвать теплую плоть.

Наконец рептилия решила, что готова к атаке, и подобралась для прыжка. Вторая пока пряталась в тени деревьев, не выходя на песок, чтобы отрезать путь к отступлению.

Я легонько стукнул камнями. Девушка мгновенно обернулась и увидела ящера, и тот живым снарядом рванул вперед с широко разинутой пастью.

Лапуля прыгнула в сторону и перекатилась – страшные челюсти бессильно щелкнули в воздухе. Промахнувшись, ящер резко затормозил и потерял баланс. Тяжелая туша вспахала пляж в нескольких сантиметрах от цели.

На такой дистанции лук бесполезен – Лапуля вскинула обе руки за голову и, достав по стреле, с силой вонзила их в спину проезжавшего мимо ящера.

Яростно взревев, он отбросил девушку ударом хвоста. Лук отлетел, и она перекатилась еще раз, пытаясь разорвать дистанцию, но уже гораздо медленнее. Ее все же задела, пропоров бедро когтями, а со стороны леса уже подбегал второй ящер.

Лапуля попятилась, отступая в ручей, и коротко свистнула – словно из воздуха появилась волчица. Яростно зарывав, она прыгнула и повисла на загривке раненой твари. Взревав, та упала на спину, пытаясь раздавить пета. Их дрыгающиеся лапы подняли тучи песка, и намертво сцепившийся клубок покати́лся по берегу.

Пронзительный, а потом жалобный визг. Похоже, собачке конец и, скорее всего, вместе с Лапулей. Она потеряла слишком много крови. Придется вмешаться, ибо долго девушка не продержится. А кто меня тогда убивать будет?

Собираясь на ходу, я вскочил и поплыл к месту боя. Поплыл – потому что совершенно забыл про песок. Мои камни вязли, а здоровый ящер брызгал слюной уже рядом с Лапулей. Ее положение было отчаянным – она стояла по колено в воде, а это сильно ограничивало возможность маневра. До лука ей не добраться.

Девушка отступила еще глубже и беспомощно оглянулась, поискав взглядом Макса. Но тот, видимо, еще гонял взбудораженных жар-птиц за холмом. Наконец Лапуля собралась и выхватила маленький ножичек, который не проколол бы даже шкуру рептилии. Помахав столь «страшным» оружием перед оскаленной мордой, она что-то бросила свободной рукой, словно сеяла семена.

Чудище внимательно проследило за этим движением и выгнуло шею, подозрительно вглядываясь в воду.

Я наконец-то доехал до ящера и с размаха обрушил оба каменных кулака на его хребет, вложив вес всего тела в страшный удар. Мерзко хрустнули сломанные позвонки, и тварь повалилась вперед. Теряя опору, я стал падать за ней, прямо туда, куда Лапуля только что бросила какую-то гадость.

Вспышка, сильный толчок! Еще одна!

Мои камни разлетались, смешавшись с кусками несчастного ящера. И это последнее, что я еще видел...

Глава 6

Осень в этом году слишком холодная. Меня никогда не покидало ощущение, что никто давно не знает, какой она действительно должна быть. Как солнце подсвечивает невысокие сопки, чем пахнет степь, насколько влажен туман в заросшем кустами овраге?

А эти облезлые тощие суслики... Почему они не прячутся в норы, когда земля трясется от поступи тяжеловооруженного рейда из сорока человек?

Я надеялся, что когда-нибудь поеду к сестре и увижу настоящий, а не нарисованный мир. Она живет и учится в Элизиуме – на небольшом клочке земли под прозрачным куполом. Единственное обитаемое место на поверхности планеты, откуда своими глазами еще можно увидеть истинный цвет неба. Неба, под которым люди больше не жили. Мы ушли под землю. Наверху места для нас уже не было. Нам его попросту не оставили.

Люди, так засравшие планету, давно сдохли. Никого из них уже нет, но я бы выкопал их тела из могил, чтобы плюнуть в червивые пустые глазницы! Теперь их потомки ютятся в крохотных кельях глубоко под землей, точно крысы. А вся социальная активность сосредоточена только в виртуальных мирах. Там проходит наше детство. Там мы учимся, работаем, развлекаемся и умираем.

Меня всегда бесило понимание, что нам приходится оплачивать чужие долги. Предки в свое время повеселились на славу, а расплачиваться уже нам. Психиатры научили меня бороться со вспышками ярости, но на этот раз я хочу злиться.

Враг где-то рядом, а злость дает силы, которые скоро понадобятся. Теперь я умею ее контролировать. Для этого надо смотреть в себя – прямо туда, откуда поднимается гнев. Смотреть так же, как на открытый огонь – не подкидывать слишком много, но и не позволять погаснуть. Смотреть, словно взвешивая, – бережно и внимательно, чувствуя его неоднородное течение и структуру.

И тогда в бою можно творить почти чудеса, не теряя способности мыслить логично и ясно. Я мейн-танк²⁰ и гильд-мастер «Нью-Лайфа». Мне ошибаться нельзя. От моих решений зависят виртуальные жизни наших людей, а иногда и их настоящие жизни.

– Рейд, сто-о-ой! – Я гаркнул так, что суслики наконец попрятались, шустро разбежавшись по норкам.

Самый толстый из них, видимо, выбрал чужую дыру, где и застрял, умильно дрыгая задними лапками. Я невольно улыбнулся, вспомнив сестренку. Лапуля...

Черт, отставить! Сейчас надо собраться. Мои офицеры ждут команды.

– Тварь должна быть за сопкой. Всем оправиться, подтянуть снаряжение! Ластморд, отправь своих в стелсе²¹, пусть посмотрят, что там.

– Лейла, у нас все как обычно, – кивнул я мейн-хилеру.

– Сельфина! Пожалуйста, на этот раз осторожнее! Снова загнешься – отправишься в запас, отдохнешь полгода. Больше сексуальности и меньше агро! Зрители тебя любят, а дамага и так хватит. И следи за своими «художницами», моя горящая задница плохо смотрится в кадре!

Рейд взорвался от хохота, но недавние фокусы магов мне не казались смешными. Да, их прошлая импровизация стала хитом, побив рекорды просмотров, она принесла нам хорошие

²⁰ Танк – игрок со специализацией и усиленной защитой, позволяющей отвлекать моба от других игроков на себя. Мейн-танк (МТ от англ. main tank) – основной, а офф-танк – вспомогательный.

²¹ Стелс – «Уход в Тень», навык ухода в особое измерение, «подложку реальности». Игрок там получает временную невидимость и замедление времени.

деньги. Но повторяться нельзя. Еще один такой трюк в том же духе только отнимет аудиторию. Мы топ-гильдия, а не дежурные клоуны.

– Внимание! Через пять минут включу трансляцию. Сегодня больше миллиона заявок на этого аутдора. Следуем плану, без сюрпризов и глупостей!

Я слез с Буцефала, по-дружески потрепал хитрую лошадиную морду и сел в позу лотоса. Никаких кнопок, иконок, табличек, средств связи и прочей, обычной для виртуальных игр, лабуды, в Сансаре никогда не было. Тут все серьезно. Только хардкор, никаких костылей и приторной няшности. Для казуалов²² есть дружелюбные миры с интерфейсом, а нам платят за настоящую боль.

Мир мягко погас, а передо мной возник бассейн и блок управления родной кельи. Комфортный полумрак не самых дешевых апартаментов Южного Сектора. На голографических стенах мелкий белоснежный песок, на который накатываются изумрудные волны в белых барашках. Это не графика, а настоящий фильм – сестренка снимала сама. Последний подарок из Элизиума. Пока еще хватает денег платить за ее учебу, но замок Мары выглядит таким неприступным... Если прогресса в рейдах не будет, нас просто перестанут смотреть.

Я тяжело вздохнул, вбивая в декодер персональный код для трансляции. Мы не можем топтаться на месте так долго. На одних аутдорах далеко не уедешь, а конкуренты наступают на пятки. Говорят, «Артификалы» на первом рейд-боссе уже подбираются ко второй волне треша²³. Спонсоры злятся и грозят разорвать с нами контракт. Вот бы рискнуть и пойти в замок Мары с максимальной синхрой! Не трясясь за свою жизнь и не оглядываясь – так же, как раньше!

Нет! То время давно ушло. Я дал себе обещание и сдержу слово. Но, может, поднять синхру хотя бы на предпоследний уровень?

Тогда неизбежно потеряем людей на нулевом делевеле. И нет никакой гарантии, что свалим первого босса даже с такими жертвами. Два-три месяца им придется качать навыки заново, еще примерно столько же восстанавливать легендарный именной шмот. И это еще если повезет с лутом, а игроков с делевелом не больше десятка. Иначе нам за разумное время их не одеть. Но что еще остается? Ждать, пока нас обгонят и заберут весь бюджет на рекламу?

Конкурс на место в рейде огромный, но даже временную замену подобрать очень сложно. Мои ребята давно пашут на пределе, резерв остается только в подъеме синхры. Повышение точности, быстроты реакции, скорости и свободы движений прибавит до трети дамага.

Конечно, не последний уровень, но ставка все равно очень рискованная. А если масс-вайп²⁴, ляжем все? Это отбросит нас уже на полгода. После такого восстановиться в топе почти невозможно.

Я задумчиво посмотрел на свои руки: вены почти с мизинец толщиной, тяжелые распухшие бугры мышц обтянуты тонкой пленкой «фитнес-костюма». Я – один из самых сильных людей в мире, и сейчас мое тело парит в сверхтекучем растворе бассейна, который стоит целое состояние.

В Сансаре используются совершенно немыслимые технологии. Порой мне кажется, что игру делали не люди, а инопланетяне. А скорее, демоны, судя по адским тварям, которые тут встречаются. Совершая любое действие, игрок тратит столько же сил, как и в обычном физическом мире. Сансара просто копирует движения нашего настоящего тела.

Мы пляшем в наших бассейнах, как черти. В них особая сверхтекучая жидкость, которая меняет плотность: от почти газообразной – до твердой, как камень. При контакте с виртуальным объектом она мгновенно изменяет свои свойства, застывая с необходимой упругостью и

²² Казуалы – непрофессиональные игроки.

²³ Треш (адды) – mobs, охраняющие подход к главному монстру.

²⁴ Вайп – гибель рейда.

динамикой. Имитация взаимодействия идеальна – фитнес-костюм точно передаст нагрузку и ощущения во всех точках тела.

Поэтому в Сансаре могут ударить очень болезненно. Наши синяки и страдания настоящие, но зависят от выставленного уровня синхронизации виртуального и реального тела. У мобов таких проблем нет, а вот возможности игрока всегда соответствуют его реальным способностям. С набором опыта изменяются только доступные спеллы и навыки, а вот себя приходится качать уже по-настоящему. Топ-контент в Сансаре – это своего рода олимпийские игры для настоящих героев. Здесь не сфальшивить.

С природными данными мне повезло – класс танка могут выбрать только очень крепкие люди. А вот топовые маги почти всегда молодые девчонки. С возрастом таких вензелей уже не покрутишь, а если нет точности в движении, то нет и силы у спелла.

Варлокам, к примеру, повезло больше – могут играть почти до старости. Этот класс требует не мышц, а мозгов. Там все на математике. Если плохо просчитал, то из рук лишь сизый дымок выйдет. Заклинания и дебаффы²⁵ варлоков требуют сложных вычислений прямо в уме. Да и с собственными петами у них очень непростые отношения. Демоненок – тварь дурная и подленькая. Бес любит боль, а хозяина убьет при первой возможности.

Закончив возиться с настройками, я увидел, как на табло стали стремительно мелькать цифры.

Не может быть! Аншлаг! Это же какие деньжищи на обычного аутдора!

Зрителей слишком много, а все вип-позиции почти моментально раскуплены на аукционе. Некоторое время я колебался, не решаясь нажать на кнопку трансляции. Происходило нечто очень странное – уровень ставок зашкаливал. И хуже всего, что спонсоры поставили на наше поражение!

Ненавижу этих хитрых ублюдков! Постаревшие гладиаторы никому не нужны. Я понимал, что это какая-то задница, но уже ничего не мог изменить. Мы не отступим. «Нью-Лайф» не станет тихо сливаться. Пора начинать трансляцию.

Волны ярости вновь начали захлестывать разум. Еще чуть-чуть повыше... Вот так!

Ну что, изнеженные богатые суки хотят шоу хардкора? Вы, мать вашу, сейчас все получите!

Поехали!

* * *

Серый мир муши²⁶ одинаково обесцветил лежащие на мели камни и разорванные останки ящера, будто подчеркнув отсутствие разницы. Мы оба мобы, но на этот раз между моей смертью и Тенью мелькнуло чье-то прошлое. Свое или чужое – я так и не понял.

А вот эмоции – все еще кипевшие – точно мои. Я буквально обезумел от нахлынувшей ярости, охватившей героя видения. Хотелось сжать шею врага и выдавливать из него жизнь каплю за каплей.

К сожалению, у меня теперь уже нет тела, чтобы удовлетворить эту жажду. Не было и врага. Не было даже того человека, из глаз которого я только что видел два мира – настоящий и нарисованный, черт побрал бы их оба!

Так, значит, игра... Это они так с нами играют?

Вдруг будто повеяло холодом, от которого замер внутренний диалог. А скорее – монолог, состоявший из одних вопросов. Ощущалось чужое и недоброе присутствие, словно нечто невидимое оценивающе разглядывало меня изнутри.

²⁵ Дебафф – заклинание (проклятие), на время ослабляющее игрока. Бафф, напротив, – усиливает.

²⁶ Муши – существа, населяющие область Тени, «заготовки» еще не обретших плоть мобов.

«Ну давай, тварь! Покажись! Вылазь! Я здесь, прямо перед тобой!» – мысленно проорал я, все еще чувствуя уверенность и силу гильд-мастера. Да, тела не было, но энергия кипела и переполняла тот участок пространства, который можно было бы посчитать здесь «мною». Сейчас я не боялся никого. Пусть из Тени вывалится хоть сам дьявол!

Тишина. Вокруг только неразличимый шепот вьющихся муши. Их хороводы явно обладали гипнотическим действием. Казалось, я мог смотреть на них вечно.

Гость ушел. Если что-то и было, то теперь его здесь уже нет. По крайней мере, чужое присутствие больше не чувствовалось. Я немного успокоился и смог мыслить яснее.

Итак, что мне сейчас показали? Собственное прошлое – или все же чужое?

Я слышал мысли того человека, но не знал ни его предыстории, ни того, чем все закончилось. Увиденного слишком мало, чтобы отождествить себя с ним. Полного доступа к его памяти у меня не было, а просмотренный фильм про ворон еще не повод для того, чтобы каркать!

Скорее, это только первый пазл некой картинки. Придется ждать следующего «сеанса», чтобы подтвердить или опровергнуть одну из двух версий. Пока же я склонялся к первой – майн-танк и гильд-мастер каким-то образом трансформировался в виртуального кролика!

Но как? Почему? Съел что-то? Кого-то?

Смерть, кома, сумасшествие, сон, глюк, проклятие – что случилось с тем человеком? Неужели по сети теперь блуждает его призрак с обрывками памяти? Эдакий цифровой полтергейст в аду для игроков, где они искупают вину за миллионы погубленных мобов?

Но чью вину – свою или чужую? Я же ничего не помню! Уверенность в самобытии держится только на содержимом нашей памяти. На иллюзии ее преемственности, на воображаемой линии, протянутой из смутного прошлого в фантазию будущего. И этот ничтожнейший кусок информации определяет то, что мы считаем «собой»!

А ведь память так неустойчива. Ее наверняка можно имплантировать или подменить. Переходит ли с ней и ответственность за чужое прошлое? Откуда тогда преступнику знать, что он отбывает наказание именно за свое преступление?

Вот меня понесло... В любом случае, с рефлексией пока надо завязывать. Того и гляди начну отвечать сам себе, причем чужим голосом. А санитаров тут нет, вязать в Тени меня некому.

Стоп! Сестренка должна что-то знать! В том видении она выглядела моложе лучницы, которая разметала мои камни по пляжу. Как Лапуля попала в Сансару? Пошла по стопам брата, а может, просто кончились его деньги?

Так что делать? Попробовать рассказать ей все?

Воображение нарисовало картинку, как страшненький моб прыгает Лапуле на ручки и, брызгая ядовитой слюной, пытается выговорить что-то разумное. Клыки бессильно щелкают, у него не получается, и тогда он многозначительно сопит и подмигивает, рисуя на песке ребус за ребусом: «Родная, я же братик твой! Дай-ка обниму тебя мохнатыми лапками...»

Но вдруг это как-то навредит ей?

Нет, нельзя рисковать. Это мой квест. Моя тайна. Разберусь сам, не втягивая Лапулю в мутную и наверняка опасную историю. Хватит с нее и драчливого кролика с жалобным взглядом. Я едва не оставил ей шрам. Поберегу сестренке психику, но буду рядом. Не хватало еще, чтобы она разделила карму своего непутевого брата!

К счастью, долго искать не пришлось – Лапуля все еще оплакивала истерзанное тело волчицы. Перепаханный берег выглядел так, словно с ящерами сражалась целая пати. Должно быть, девушки-хантеры сильно привязываются к своим петам. Тупой бездушный моб отдал за хозяина жизнь, и Лапуля трогательно рыдала над образом, который нарисовала себе.

Ее «добрая волчица» – очередная иллюзия. Люди, видимо, обожают строить из них клетки, но, в отличие от меня, никогда не покидают тюрьмы тела. Неизвестно, кем я был

раньше, но теперь хотя бы есть возможность иногда менять камеру. Правда, на столь же душную и тесную.

Наконец Лапуля успокоилась и высморкалась, оставив труп волчицы в покое. Злобно пнувдохлого ящера на прощание, она решительно направилась к лесу.

Я поспешил следом, опасаясь потерять ее из виду. Надо срочно найти новое тело. Причем такое, что позволяло бы находиться рядом с сестрой. Хотя бы мелкую птичку, шмеля или бабочку...

В джунглях беззаботно чирикали целые стаи яркой пернатой мелочи, но ни синего, ни красного сияния от них не исходило. Пичуга для меня маловата. Впрочем, какой от нее толк? Чем я в таком теле помог бы сестре? Ел бы с рук и пел воодушевляющие песенки в бою вместо барда? Музыкального слуха у меня никакого – Лапуля бы эту птаху ощипала и съела.

Внезапно сестренка остановилась и замерла, что-то заметив. Чуть покачиваясь на носочках, она приняла боевую стойку, но лук доставать не спешила.

Снова ящерка? К сожалению, в Тени я страдал близорукостью – вокруг меня клубилась надоевшая серая дымка.

Выковыряв из земли небольшой камень, Лапуля подняла его и, размахнувшись, бросила. Потом, как циркуль, ловко крутанулась на одной ноге, избежав столкновения с чем-то стремительным, приземистым и обтекаемым.

Животное пронеслось, едва не задев ее, но исчезло в тумане до того, как я его разглядел. Казалось, оно чиркнуло так близко, что едва не прихватило с собой половинку сестренки. Развернувшись, шустрая тварь повторила маневр с тем же успехом.

Наконец я признал в толстеньком, но стремительном существе обыкновенного лесного кабанчика. Лапуля была слишком быстра для него. Их танец напоминал корриду, где роль быка досталась целеустремленной, но бесконечно глупой свинке. Мощный торс и короткие ножки оказались совершенно бесполезны в неравном противостоянии с хантером. Сестренка однообразно и хладнокровно вертелась, а упрямый кабан раз за разом протыкал бивнями пустое пространство. Вскоре он вымотался и, обессилев, подошел почти вплотную к Лапуле, видимо, собираясь рухнуть ей на ноги, чтобы забодать в ближнем бою.

Лапуля, искусственно улыбаясь, стала делать комичные пассы руками, пытаясь успокоить животное. Поросяенок недоверчиво смерил ее мрачным взглядом и подозрительно фыркнул.

Должно быть, сестре понадобился новый пет вместо волчицы. Класс «охотник» – приручает, кормит, а потом нагло использует. Настоящие живодеры!

Оп! Слабое голубое сияние! Да это же то, что мне нужно!

Я торопливо бросился к свинке, растворяясь в ослепительной синей вспышке. Мир распахнулся, и уже в следующий миг сестренка протягивала мне батон, ласково шептала, подмигивала и корчила умильные и нелепые рожицы.

Вот тупица! Похоже, она всерьез думает, что кабан ждет от нее именно этого. Желуди давай, дурочка, желуди!

Я понятия не имел, как ведут себя настоящие свиньи. Хотя, наверное, многие девушки утверждали обратное. Постараюсь, чтобы мое поведение смотрелось естественным: чуть поднять «брови», сделать глупое выражение глаз, доверчиво протянуть влажный пяточек к хлебу.

– Ну давай! Ням-ням-ням. Ешь, глупенький, смотри, как вкусно, – Лапуля демонстративно откусила от булки, наигранно изобразив неземное блаженство.

Тьфу ты, ненавижу сюсюканье. От сестры несет «няшностью». Да кто так с серьезными кабанами общается? Еще бы розовый бантик с попоной на меня нацепила! Лучше бы пива дала, от мучного сало рыхлеет...

– Вкусненько-вкусненько! На, бери, милый, – продолжала сладостно ворковать сестренка, снова протягивая мне батон.

Некоторое время я боролся с желанием стереть это тупое выражение с ее личика и больно цапнуть за палец. Ну просто выбешивает этой нежностью! Что она как с теленочком... Я же суровая, брутальная тварь из темного леса! Ко мне со всем уважением надо! Только «Нью-Лайф»! Только хардкор!

Черт! Откуда всплыла боевая речовка? Что-то кармическое. Тупо пристрелит же...

Я нерешительно хрюкнул и опасливо поскреб копытами землю. Сестра примолкла и насторожилась, медленно потянувшись за луком.

Пришлось благоразумно сменить гнев на милость и, дружелюбно крутя хвостиком, давиться черствым батоном. Лапуля внимательно смотрела на меня, но руку от лука убрала.

Уфф... едва не переиграл. Вот когда еще можно так над сестрой поглумиться? И что теперь мне положено делать?

Дурашливо подпрыгивая, я сделал пару кругов вокруг хозяйки, всячески изображая радость от обретения столь высокого покровительства. Готов служить, рвать и топтать наших врагов!

Сестра нахмурилась. Похоже, мне не поверили. Что-то сделал неправильно.

Лапуля щелкнула пальцами, подавая команду, а я понятия не имел, что от меня хотят, и демонстративно повернулся назад, будто поискав взглядом объект, к которому она обращается.

Глаза сестренки смешно округлились.

Ну надо же... Похоже, шуток не понимает. Чувство юмора атрофировано. Я сел на задние лапки и понимающе развел копытцами. Не знаю, что было бы дальше, если бы из кустов в этот момент не вывалился Макс в компании с демоненком.

Парень тряс потрепанными птичьими тушками и открыл было рот, торопясь поведать эпическую сагу о славной охоте, когда Лапуля резко оборвала его, даже не дав начать:

– Посмотри на меня!

– Что? Ранение? – Макс испуганно оглядел девушку.

– Я нормальная?

Я возмущенно фыркнул. Зачем сразу так давить? Интересно, что было бы, если бы ей ответили «нет»?

– В смысле? – осторожно переспросил парень, ожидая подвоха.

– В прямом смысле! Глаза не красные? Речь не сбивчива? – Лапуля по-женски настойчиво подводила его к какому-то выводу.

– Да у тебя всегда... – Макс, видимо, хотел продолжить мысль, но вовремя остановился. – Нет, все как обычно. А что? – вкрадчиво спросил он.

Забывшись, я внимательно следил за диалогом, переводя взгляд с одного на другого.

– Не на меня, на него посмотри, – сестра кивнула в мою сторону.

Тут я понял, что сидел на хвостике в совершенно неестественной для животного позе. К счастью, успел вскочить раньше, чем Макс обратил на это внимание.

– Ах, да у тебя новый пет... – нерешительно заметил он, искренне не понимая, почему обычный свин интереснее саги о поимке злополучных жар-птиц.

– Ты посмотри, что он делает, – девушка устало вздохнула, видимо, сомневаясь в своем здравомыслии. – На задних лапах сидит и на нас пялится. Я его даже отозвать не могу.

Макс смерил сестренку нарочито сострадательным взглядом. Я же, как ни в чем не бывало, старательно ковырял рыльцем в пыли, катая по кругу крупный желудь.

– Лапуль, ты не горячая? – участливо спросил парень. – Опять зайчики кровавые в глазах пляшут?

– Дурак! Да, этот такой же! Глаза те же самые!

Я поперхнулся, выплюнув желудь. «Те же» – в смысле, кроличьи? Или свинячьи? Да мне, похоже, хамят! Хотелось переспросить, но ведь опять только хрюкну! А вот с «отзывом» нехо-

рошо получается. Исчезать и появляться из воздуха, как та волчица, я не смогу. Ну, спишите на баг, бывает...

– Ваше величество опять преследует Черный Кроль? Вы посвятили его в свои петы? – издевательски рассмеялся Макс. Он сильно рисковал, поддразнивая сестру. – А может, еще один и в этих пташках сидит? – Он потряс связкой жар-птиц.

– Хорошо. Смотри на ботиночки! – Лапуля топнула ножкой.

Мы оба перевели взгляд на ее обувь – черная, зашнурованная, с тупым носком. Что в ней такого?

Но Макс нашел незаметную бирку и изумленно присвистнул. Сел, пощупал, поднял взгляд на девушку, недоуменно покачал головой.

– «Каменное Сердце. И это тоже пройдет...» – старательно прочитал он. – Откуда такое? И опять сетовый бонус к ловушкам! Неужели тот же рарник?

Я скрестил на макушке уши, прислушиваясь. Ну да, мой сет. Для сестры ничего не жалко. А ты, долговязый гаденыш, от меня ничего не дождешься!

– Тот же рарник... – противным голосом передразнила Лапуля. – Бестолочь! А я о чем говорю?

– Кролик? Где ты откопала его?

– Не я. Он сам пришел! Сразу после того, как я взорвала элементаря!

– Водяного?

– Нет! В том-то и дело, что скального! Того самого, что угробил Сельфину и пати Зергея! – Сестренка показала взглядом на плато, откуда до сих пор доносился шум боя. – Представь, специально стукнул камнями, когда на меня неслись два «рекса»! А потом убил одного из них!

– Скальный – и в джунглях? – недоверчиво уточнил Макс. – Ну ладно, пусть так... Убила элементаря, и пришел кролик. А этот кабан тут при чем?

– Тупица! Он из той же компании! – Глаза сестры покраснели. Она едва не расплакалась, понимая, что несет совершенно неправдоподобную чушь.

– Уже третий? И все они от тебя в полном восторге. Далеко не отходят. И чем же ты их прикормила? – с иронией спросил Макс. – Да ты их шелкаешь, как орешки! Сама Сельфина не смогла, а вот ты справилась?

– Я и не справилась бы! Использовала те разрывные ловушки, что выиграла на турнире. А перчатки с кроля еще и к ним бонус дают. Ящерицы едва не сожрали меня, пока ты где-то шляется!

– Тише-тише. Я верю, спокойнее. Но зачем элементарю спасать тебя? И почему все чудеса происходят, как только ты остаешься одна? – поднял бровь Макс.

– Откуда я знаю? С одной легче справиться, вот почему!

– А с Бимкой что? Или эта хрюшка лучше?

– Бимка погибла. А про свина я же сказала! Он какой-то неправильный. Такой... э-м-м... черно-королевый... – замычала Лапуля, видимо, пытаясь описать свои ощущения.

– Это нервное, – успокаивающе заверил Макс. – Так иногда кажется. У меня тоже бывает со своими демонами...

– Что у тебя бывает с демонами, мне безразлично, – холодно перебила Лапуля. – Ты слышал, как пьяный Пуси хвастался сетом? Лут с наших рарников не описан в каталогах!

– Сансара иногда вбрасывает и новые шмотки. Возможно, некоторые очень редки и потому ни разу не попадались, – возразил Макс. – Обычные рарники. Вам просто повезло.

– Просто? А Сельфину просто камнем придавило? А Мафа просто дурачилась, когда в Медузу Горгону играла? А про кролика-каннибала тоже просто все врут?

– Не знаю, – пожал плечами Макс. – Черный Кроль ведь даже не моб, а архетип. Этот ярлык вешают на все необычное. Рарники же по умолчанию ненормальны. Да и не только рарники! – ядовито добавил он.

– Ты когда-нибудь видел, чтобы мобы выходили за пределы локации? Пусть даже рарники? – Сестренка покосилась в мою сторону и начала говорить шепотом. – Скальные элементали тут не водятся, значит, этот спрыгнул с плато над нами. А чтобы убежать от облавы, нужны мозги! И сразу после его смерти появляется чудаковатый кабанчик. Странное совпадение, верно?

Варлок не ответил, смерив меня цепким изучающим взглядом, и я невольно попятился, почувствовав себя голым. А ведь это еще один намек на латентную человечность. Если меня сейчас пустят на сало, то станет ли эта парочка каннибалами? Но даже людоеды не едят близких родственников!

– А давай убьем да проверим! – алчно облизнулся Макс, которому, видимо, нравились простые и быстрые решения. – Если тот самый рарник, то доберешь сет. А если нет, то на обед будет вкусный жареный поросенок.

– Я уже думала, – прошептала Лапуля, приветливо помахав мне ладошкой. – Но он же меня спас!

– С ума сошла? Ты сказала, что тебя спас элементаль, а это обычная хрюшка.

– Говорят, Черный Кроль легко меняет тела!

– Говорят, что кур доят! Это просто моб, пусть и рарный. Искусственный интеллект посложнее, но он не думает, а реагирует. Учится, но не мыслит. Ходячий алгоритм, машина!

– Да я понимаю, но мне до сих пор тот кролик снится. Мобы так не смотрят! – убежденно сказала сестра и на всякий случай вежливо мне улыбнулась.

Ход ее мысли мне нравился, а вот от долговязого задохлика придется избавиться. Страшененький, ядовитый, худой – не парень, а недоразумение. Видимо, мысленно уже примеряет полный сет с моей тушки. Я сестренке другого найду.

Похоже, варлок – это не класс, а диагноз математика-социопата. А может, проклятие, как посмотреть. Видимо, длительный дискурс с мелкими бесами калечит психику. А Лапуля не демон, ее не продифференцируешь и поверхностным анализом не возьмешь. Женские эмоции в привычные уравнения не втиснуть. Там математика не работает, уж слишком много всего понакручено.

– Ладно, пока не говори «нет». Просто отложим эту тему до вечера, – примирительно сказал Макс, видимо, что-то придумав. – Идет?

– Хорошо, – кивнула Лапуля, вставая. – Пошли. А народ все на скалах шумит, слышишь?

– Пусть шумят, а у нас все с собой! – зловеще ухмыльнулся варлок. – Птиц сдадим – и в пещеру. Там новая цепочка квестов. До вечера должны управиться.

До вечера этот болван не доживет! У меня есть время для подготовки несчастного случая. Получит делевел и сразу отстанет.

Я удовлетворенно хрюкнул и весело потрусил к хозяйке, как вдруг боковым зрением поймал на себе взгляд бесенка. Эта чертяка смотрела оценивающе и разумно!

Жесткая щетина на спине встала дыбом. Я резко затормозил и развернулся, но черные глазки демоненка вновь стали стеклянными – пустые и бессмысленные.

Но я только что видел в них искру разума! Неужели померещилось?

Макс шел следом, мечтая о румяной свинине, и, конечно же, об меня споткнулся. Замахав руками, он попытался удержать равновесие, но тщетно. Колочие кусты обрадованно затряслись, а потом стали грязно ругаться его голосом. Лапуля тут же заслонила меня, встав на защиту, и эта парочка вновь принялась громко выяснять отношения.

Я же стоял как вкопанный, уставившись на чертенка. Братец по разуму? Но зачем от меня прятаться?

Глава 7

Люди наконец сдали квест с птицами подозрительной и жутковатой старухе, что жила в ветхом бунгало на куриных ножках. Они так божественно-вкусно пахли, что тотчас захотелось их обнюхать и слегка прикусить. Заметив мой интерес, Лапуля сердито пшикнула, и я послушно отошел, демонстрируя покорность судьбе и лучшие свинские качества. Чтобы не пойти под нож вечером, нужно казаться славным и милым. Сестра должна полюбить поросянку, чтобы его мясо в горло не лезло.

Джунгли успели утомить удушливой жарой и высокой влажностью. Шкура противно прела, привлекая разнокалиберных паразитов, которые не счесывались даже копытцами. Приходилось забегать вперед, валяться в ласковой нежной пыли, а потом долго и сладостно тереться о грубую кору дерева.

Ко всему прочему, я зачем-то нажрался перебродивших плодов, многие из которых оказались червивыми. Теперь в брюхе ныло и жутко пучило. Как оказалось, кроликам и элементам жить намного проще. Похоже, Сансара что-то напутала, поселив кабана в тропиках.

Я облегченно выдохнул, только когда увидел вход в пещеры. Там нас встретила прохладная сырость, что после душного леса показалось подарком небес. Сталактиты и сталагмиты застыли в извечной тяге друг к другу, напоминая клыки страшной пасти. Казалось, челюсти вот-вот сомкнутся, чтобы пережевать и выплюнуть наши останки в бездонный мрак пропасти. Где-то внизу традиционно журчала вода – без зловеще-темной реки не обходится ни одно подземелье. А судя по хорошо утоптанной тропинке, это, видимо, достаточно популярно.

Макс тихо чертыхнулся в темноте и зажег факел, осветив колышущуюся на сквозняке паутину. Лапуля нервно вздрогнула – многослойные седые полотнища скрывали под собой большую часть стен и закопченного потолка. Несколько коконов, внутри которых угадывались очертания гуманоидов, висели в темных углах зловещим предостережением незванным гостям. В одном из свертков что-то слабо шевелилось внутри.

– А-а-а... какая мерзость! – Сестра поспешила спрятаться за спину Макса. – Вскрой его, в нем что-то живое!

– Зачем? – ласково спросил он, наслаждаясь ее страхом и собственной мужественностью. – Там наверняка злющий моб. Разработчики обожают подобные штампы.

– А нам точно именно сюда надо? – По дрожащему голосу Лапули угадывалась запущенная арахнофобия.

– Конечно! – гордо кивнул Макс. – Квестовая цепочка кончается здесь. Не бойся, танковать будут петы. Они справятся. До тебя никто даже не дотронется.

«Справятся»? – Я оглянулся на коллегу, надеясь увидеть его солидарность и возмущение. С таким-то ростом справиться можно только с садовой улиткой. Но если бесенок и не согласился с хозяином, то не подал виду – все тот же бессмысленный взгляд пустых черных глаз.

– Ну, тогда ладно, – неуверенно согласилась Лапуля. – Больше всего на свете я боюсь темноты и пауков.

– А темноты-то чего бояться? – не понял Макс.

– А ты хоть представляешь, сколько в ней может прятаться пауков?

– Со мной тебе ничего не грозит! – Варлок подтянул живот и расправил плечи. Его взор был тверд и устремлен вдаль. – Я сам Пожиратель Тьмы!

– Тебе лишь бы пожрать, – устало вздохнула Лапуля. – Давай без неуместного пафоса. Домой хочу.

– Я понял. Минутку. Позову «войда»²⁷, и идем.

²⁷ Войд – вызываемый демон, один из видов петов-помощников варлока.

На фоне побледневшей Лапули парня буквально раздувало от сознания собственной важности. Меня затошнило от этого жалкого зрелища, и я пристально оглядел стену в поисках какой-нибудь козявки.

Вот, эта подойдет – милое мохнатое паукообразное, размером с кулак. Мощные челюсти, три пары глаз, приветливый вид. Его дружелюбная мамочка, наверное, где-то глубже живет.

Осторожно подцепив рыльцем, я аккуратно повесил малыша на ногу варлока и уселся удобнее, чтобы насладиться эффектом. Паучок проворно полез вверх и деловито перебрался на плечо.

Я нетерпеливо засучил копытцами и развернул острые ушки в ожидании визга. Предвкушение наполняло меня радостным трепетом.

Макс краем глаза заметил движение, но невозмутимо продолжил вызов нового демона. Бесенок раздраженно пискнул и исчез, а на его месте возникла желеобразная синяя глыба. Закончив каст, парень осторожно посадил насекомое на ладонь и аккуратно опустил на землю.

Я разочарованно и пристыженно засопел. Да он храбрец... Возможно, все не так плохо.

– Не мог подальше от меня выпустить? – жалобно спросила Лапуля, передернувшись от отвращения. – Паутина, мягкие яйца, бе-е-е...

– Арахнофобия естественна, поэтому подземелье заселяется пауками в первую очередь. Они намного популярнее оборотней и вампиров, – невозмутимо произнес варлок, важно оттопырив губу.

И было из-за чего – Лапуля не сводила с него восхищенного взгляда. Держать такую страшилку в ладони казалось ей настоящим подвигом. Я своими руками подарил врагу бонусный балл. Еще одна такая затея – и он уговорит сестру пустить меня на лут, не дожидаясь вечера.

Инициатива заслуженно перешла к Максусу, и он возглавил нашу колонну. Войд плыл рядом с хозяином, а сзади к ним пугливо жалась Лапуля. Бедняжка тщательно осматривала стены, опасаясь неожиданной атаки затаившегося арахнида. Я же путался под ногами, стараясь быть на виду и выглядеть забавным и смелым.

В этой пещере хорошо бы наладить производство превосходного паучьего шелка. Его бы хватило с избытком на пару-тройку ткацких фабрик. Невесомые рваные занавеси бесшумно колыхались в проходах, и казалось, что мы не идем, а плывем под водой в гроте. Краем глаза улавливалось смутное движение в боковых коридорах, но тени исчезали слишком быстро, чтобы я мог их разглядеть. В темных углах что-то страшно шуршало, а под ногами потрескивали хрупкие косточки, напоминая о тщете надежд и бренности жизни.

Наконец мы вышли в просторный сырой зал, переполненный полянками бесцветных грибов и лужами подозрительной слизи. Застоявшийся воздух наполнял сладковато-гнилостный запах – под веселый треск факела прозрачные сороконожки доедали человеческий труп, кишевший белыми червяками.

Макс поморщился от отвращения, а лицо Лапули стало белым, как молоко. Казалось, ее сейчас вырвет. На всякий случай я отошел подальше.

Сражаться с монстрами сейчас было бы уже перебором – хватит и того, что мы увидели. Все игровые каноны соблюдены, и люди напуганы – квест вполне можно засчитывать. Не понадобился даже музыкальный бэкграунд за кадром. Леденящие завывания или сдавленный крик за поворотом могли бы только испортить выверенный жутковатый дизайн.

– Бояться надо живых, а не мертвых! – Макс посчитал момент подходящим, чтобы выдать банальное, но очень спорное утверждение. – Местные mobs должны соответствовать нашему уровню. Нет смысла бояться.

Болван! Как будто такой смысл вообще есть. Никто никому тут не должен! Я провел достаточно времени в шкуре жалкого кролика, чтобы понять, что игрового баланса в Сансаре попросту нет. По крайней мере, со стороны мобов.

Думаю, сестренка их не боялась. Скорее, ее тошнило от отвращения, но этот недоумок не видит разницы. Пожалуй, не придется даже думать, как их разлучить. Могучий интеллект варлока сделает все вместо меня, причем гораздо быстрее.

Лапуля раздраженно махнула рукой, чтобы ей не читали морали, и, согнувшись, отбежала на несколько шагов в темноту. Похоже, ее мучительные и громкие спазмы – результат последней реплики Макса. От его пафоса начинало подташнивать даже меня.

Но тупице и этого показалось мало. Чтобы усилить впечатление, он подошел к разложившемуся труп и наклонился, с интересом разглядывая обглоданное червями лицо. Новая вспышка судорожного кашля из темноты показала, что это действие возымело эффект.

– Странно, что тело до сих пор здесь. Должно быть, это моб, – задумчиво изрек варлок поразительную по своей глубине мысль.

Я было собрался вонзить бивни в его тощие ягодички, чтобы сестра могла хоть немного отдохнуть от глупостей, но меня опередили. Недоеденный покойник открыл белые глаза без зрачков и мило улыбнулся.

Тотчас со всех сторон раздался пронзительный визг, а стены словно ожили, покрывшись сотнями светящихся парных точек. Мгновением позже они единой волной рухнули вниз, рассыпавшись лавиной мелких паучков. А если хоть один доползет до Лапули...

Пока она держалась мужественно и уверенно. Отступив в центр, девушка подбросила вверх мячик, и под сводом пещеры будто вспыхнуло солнце, не оставив ни одного темного уголка. Теперь люди стояли спиной к спине, отправив меня и войдя в атаку.

Синий демон против такой мелочи оказался почти бесполезен. Он едва угадывался под черным живым ковром. Бедняга беспомощно вертелся и топтался на месте, но часть членистых полчищ все же отвлек на себя. Массивный и бесформенный, весь в паутине, он теперь походил на рыхлое тесто, щедро облепленное черным изюмом.

Я же носился по кругу, вытапывая сотни паукообразных, лопающихся под копытцами с омерзительным хлопанием. Бивни и рыльце работали подобно отвалу бульдозера, отбрасывая копошащуюся черную массу назад. Через толстый слой сала и жесткой щетины укусов я почти не чувствовал, гораздо больше неприятностей доставляли острые металлические колючки, которые сестра веером рассыпала по залу.

По периметру описанной мной окружности успел образоваться вал из мертвых хитиновых тел, который я старался поднять еще выше. К несчастью, все новые армии вываливались из боковых нор и проходов бесконечным темным потоком подкреплений. Стрелы Лапули ничем помочь не могли, и Макс спокойно и методично расстреливал прорвавшихся клубками фиолетовых молний.

Один раз он промазал – острой болью обожгло бок, и я споткнулся, не вписавшись в очередной поворот. Копытца скользнули по месиву из раздавленных насекомых, и моя тушка полетела в дальний угол – точно на санках.

Оглушенный, я беспомощно барахтался у стены, пытаюсь вскочить и вернуться, но ножки не слушались. Оставалось только смотреть, как Лапуля обхватила Макса руками и закрыла глаза, прижавшись к нему изо всех сил. Сейчас она потеряет сознание, а живая лавина докатится и накроет ее с головой!

Варлок твердо стоял на ногах, не обращая внимания на взбиравшихся на него пауков, а потом нестерпимо медленно поднял руки, окружая себя и Лапулю столбом дрожащего марева.

– Жертва! – вдруг страшно закричал Макс.

Его демон вдруг раздулся и сразу взорвался. Да так, что затряслись стены. Волна режущего пламени окатила весь зал, остановившись только у моих ног – шерсть на них тотчас обгорела.

Через несколько секунд огонь погас. Пахло паленым волосом и хитином. Сухо потрескивая, остывали тысячи хорошо прожаренных пауков, а под падающими хлопьями пепла неподвижно стояли два человека.

Я одобрительно хрюкнул. Ну что за патетика, просто слезы из глаз. Возможно, у ребят кратковременный шок. То зыбкое марево наверняка послужило щитом. Без него от них остались бы только закопченные кости.

Наконец у меня получилось встать. В метре от моих ног все еще сидел паучок, выглядевший целым и невредимым. Казалось, он утомился и просто заснул. Я осторожно дотронулся до него копытцем, и он сразу же рассыпался в мельчайшую черную пыль.

Так близко... Как хорошо, что я лежал у дальней стены.

Хм... Макс, конечно, крут. Я недооценил его. Мощностъ спелла варлока зависит от сложности его расчета, а жертва демона значительно усилила финальный эффект. Как парнишка умудрился сохранить хладнокровие в таком хаосе?

Впрочем, ему надо знать меру и отпустить сестренку. Он же ее нагло лапает! Куда так прижиматься, ей дышать нечем! Или они сгорели, как тот паучок?

Я опасливо ткнулся в Лапулю рыльцем.

Фух... Нет, теплая и живая.

Сестренка шевельнулась и нежно поцеловала Макса. Тот встрепенулся и ожил. Его руки медленно опустились и стали поглаживать и сжимать ее ягодицы.

Этого я пережить уже не смог. От огорчения мое брюхо выпустило скопившиеся продукты брожения. Пришлось на цыпочках ретироваться на приличное расстояние. Едва не рыдая от умиления, я сел и стал ждать. Как оказалось, романтика расслабляла кишечник и доводила сентиментального кабана до слез. Впечатляющий букет токсинов с запахом сероводорода производил эффект химического оружия с прекрасной поражающей мощностью.

Какое-то время ничего не происходило.

– Ма-а-кс! Тьфу, ну что ты за скотина тупая! – Лапуля вырвалась из его объятий и отбежала ко мне.

Я согласно хрюкнул и с осуждением посмотрел на покрасневшего парня.

– Это не я! – запротестовал тот.

– Нет, это я! Придурок! Такой романтический момент испортить...

Макс поискал ненавидящим взглядом меня, видимо, понимая, в чем дело. Я жизнерадостно осклабился в попытке улыбнуться. Должно быть с поросычьим рыльцем это вышло жутковато.

А он как думал? Чертов мазила! Так ему и надо!

Пострадавший бок до сих пор сильно болел. К счастью, удалось отыгаться и хоть немного облить нимб спасителя свинской неблагодарностью. Теперь недруг посрамлен, но мой реванш еще ничего не решал. Надо придумать, как окончательно избавиться от долговязого.

В подземелье вновь стало тихо. Я даже не заметил момент, когда в центре проявился тот же труп в компании прозрачных сороконожек.

Так быстро? Просто скатерть-самобранка какая-то...

– Надо спускаться ниже. Они скоро реснутя, а у этого спелла откат двое суток, – озабоченно сказал Макс, как только снова вызвал бесенка.

– Хороший мальчик, умница! – промурлыкала Лапуля. – Нет, не ты! – она отвернулась от парня и демонстративно-ласково почесала меня за ушком.

На этот раз я не стал возмущаться. Мне понравилась и ее лесть, и унижение Макса. Я довольно фыркнул и потерся спинкой о ногу сестры.

– Вот не знала, что есть такие умненькие петы! – Лапуля чмокнула меня в пяточок и принялась извлекать из щетины стальные колючки, которые сама же вокруг набросала.

– Не носи чушь. Они безмозглы! – мрачно буркнул Макс и тяжело вздохнул.

Как только он раздраженно пнул бесенка, я понял, что уже победил. Сестра не отдаст меня этому живодеру даже за эпический сет.

– Хватит сюсюкаться. Пошли вниз! – зло бросил он и, не дожидаясь ответа, направился к выходу.

Лапуля перестала меня гладить и вскочила, послушно побежав за ним.

Вот ведь... Любовь зла!

Чертыхаясь про себя, я побрел следом, зная, что варлок не успокоится и придумает пакость, достойную его интеллекта.

Или это я придумываю их сейчас одну за другой? Пороссячи мозги наверняка производят столь же пороссячи мысли. Но изменяют ли они меня? Мыслию ли я в этом теле по-свински?

Я поморгал и почесал копытцем за ухом, отгоняя наваждение. Кабанам вреден глубокий ментальный анализ. Для этого лучше подобрать другое тело. Вот призраки или те же вампиры, к примеру, – они всегда так благородны, задумчивы и романтичны. Свинья же способна только жрать и гадить! Как в таком облике спасти себя, мир и сестру? Это нелепо!

Проход становился все уже, потолок опускался все ниже. Макс упрямо тащил нас вперед, не обращая внимания на тяжелые вздохи Лапули. Должно быть, все еще дулся на нее, делая вид, что не понимает намеков. Изредка он отвечивал оплеуху бесенку, вымещая на невинной твари злость и обиду.

Я несколько не сомневался, что варлок давно заблудился. Лишь гордость не позволяла ему признать ошибку и повернуть назад. Впрочем, долговязый наказал себя сам. Последние несколько метров он полз уже на четвереньках. Над нами нависали миллионы тонн горной породы, и узкий лаз заставлял его нервничать. Легкий подземный толчок – и расплющенное тело останется лежать тут навечно. Клаустрофобия в узкой норе – это полная жуть.

Я заметил, что лицо Макса побледнело от страха. Он наверняка понимал, что умереть здесь не может, но вот инстинкт самосохранения, видимо, отказывался этому верить. Парень скрипел зубами и держался изо всех сил, боясь показать свою слабость. Такими темпами он скоро сточит их до корней.

– Ма-а-акс? Мы правильно идем? Ты уверен? – робко протянула Лапуля и оглянулась, словно искала у поросенка поддержки.

Я важно кивнул и благодарно потерся о ее бедро спинкой, стараясь подарить сестренке покой и уверенность. Со мной она не пропадет! Свинья своих не бросает!

– Да тут только один выход, не перепутать. – Голос Макса прозвучал необычно тихо. – Подожди, не пихайся. Тут душно. Мне надо отдышаться. – Он лег на спину и закрыл глаза.

Варлок очень старался сохранить невозмутимость и подавить страх, видимо, считая его проявлением слабости. Сдержанность – обычный мужской идеал, когда вытесняется все, что кажется «чувственно-женственным».

В кабанью голову пришла логичная мысль, что не показывать слабость – та же самая слабость. Конечно, неприятно испытывать страх, но еще хуже страдать оттого, что об этом знают другие.

Я вдруг заметил темно-красное свечение и сразу перестал умничать. В этой норе светились все: стены, пол и даже потолок. Где-то шумел водопад, а из уходящего в темноту тоннеля несло гнилью, словно там находилась гигантская пасть. И в ней никогда не чистили зубы.

Горная порода вокруг изменилась, приобретя необычную для камня структуру. Стены теплые и рыхлые и, кажется, даже слабо подрагивают. Нора все больше походила на согнутую гармошкой трубу с подозрительно ровными складками. Но больше всего беспокоил этот загадочный красный свет, который мои спутники почему-то не видели.

Ящер! Так светился ящер, когда неторопливо доедал косулю. В тот раз он, видимо, был еще слишком большим для меня, поэтому его тело подсвечивалось не синим, а красным.

Значит... Значит, мы ползем внутри какой-то колоссальной твари!

Громко заверещав, я цапнул Макса за пятку. Тот вскрикнул и обернулся, явно собираясь ткнуть в меня факелом.

Тупица! Да нас сейчас сожрут тут живьем!

Вцепившись в лодыжку, я потащил его назад, но тот уперся руками в стены и яростно отбрыкивался. Недолго думая, Лапуля стрелба меня в охапку и прижала к земле, пытаясь утихомирить. Должно быть, сестра подумала, что ее любимый свин перенервничал и взбесился.

С трудом вырвавшись из объятий, я опустил на коленки и нагнул голову. А потом резко выпрямил ноги, вложив их силу в мощный удар бивнями по верхнему своду. Тело разогнулось туго сжатой пружиной, удивительно легко пропоров потолок.

Страшный рев заставил землю содрогнуться, а стены ожить. Нас подбросило и стало болтать, словно в миксере взбивали однородный коктейль из двух человек, демоненка и свинки. К счастью, стремительно поднявшийся снизу поток закружил и потащил назад, выбросив в пустое пространство.

Приводнились мы довольно жестко. Лапуля чертыхнулась и зажгла «солнышко». Как оказалось, подземное озерцо. Но барахтались мы в нем не одни. Компанию составил гигантский змей, только что изрыгнувший нас из своего чрева.

Колоссальная кобра кольцами извивалась в воде и ревела от боли. Видимо, страдала от прободной язвы, которую я ей устроил. Раздутый капюшон змеи напоминал парус, увенчанный безглазой головой размером с небольшой катер.

Пока на нас не обращали внимания. Рептилия сосредоточилась на своих внутренних переживаниях, а мы стали готовиться к бою.

Как оказалось, свинья хорошо плавает, и вскоре мои копыта нащупали дно. Выбравшись, я подошел к варлоку и встряхнулся, точно собака после купания. Жаль, он тоже был мокрый и потому не заметил очередной свинской пакости.

Воды озера низвергались водопадом в темную пропасть, а высоко в скале чернела нора. Должно быть, именно туда и присосалось чудовище, рассчитывая, что мы не заметим подвоха и заползем прямо в желудок.

Макс в очередной раз неблагодарно растворил погрузневшего беса, призвав вместо него аморфную синюю глыбу. Лапуля же принялась суетливо доставать из дамской сумки пузырьки и хрустальные флажки. Торопливо влив их содержимое в варлока, она по-мужски выдохнула и сама выпила не меньше пяти, смешно трясая головой и морщась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.